

“Eugene Onegin”: A Scenic Projection

James E. Falen, translator

Locating and Preparing the Krzhizhanovsky *Evgenii Onegin* Typescript

In Moscow in March 2007, researching what would become chapter 3, “The Pushkin Centennial,” in his monograph *The People’s Artist: Prokofiev’s Soviet Years* (Oxford University Press, 2009), Simon Morrison came across a play script in the Prokofiev holdings of the Russian State Archive for Literature and Art (RGALI) with the title «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН. Сценическая проекция». Musical cues in the margins were by Prokofiev, of that Morrison had no doubt: the composer’s handwriting is distinct, as is his shorthand orthography. He frequently omitted vowels, for example, “8 bars” (8 тактов) becomes 8 тктв; “music of a psychological character,” музыка психолог. характера; the word “fated” (from Tatyana’s Letter), сждно. Practiced Prokofiev scholars have no problem decoding these abbreviations. Morrison transcribed the slight but intriguing musical markings and alerted his colleague Caryl Emerson to the existence of this text. On a return research trip in the summer of 2007, Morrison received a hard copy of the play script, which he handed over to Emerson (also in Moscow at the time) in a local café—with the promise to “publish something on this unrealized project.” Although the name of the stage adaptor, Sigizmund Krzhizhanovsky, was unknown to her, she was so struck by the boldness, yet uncanny fidelity, of the play to the novel that within two weeks she was at work on a translation. This non-metric English version, with an introductory essay on Krzhizhanovsky’s project, appeared in 2008, in *Sergey Prokofiev and His World* (ed. Simon Morrison).

Although never published, the Russian play script was not unknown. Or rather, it was known through negative criticism of it. In 1973, Prokofiev’s scattered *Eugene Onegin* music was reassembled, edited, and published by the Soviet musicologist Elizaveta Dattel’. She noted Krzhizhanovsky’s play in the commentary, but dismissed it as a violation of Pushkin’s novel, Prokofiev’s score, and Tairov’s theatrical intent. One year later, in 1974, Melodiya issued an LP of Prokofiev’s 44 musical numbers for *Onegin* based on the Dattel’ edition, stitching the episodes together with a voice-over of appropriate stanzas extracted from Pushkin. The actual play script—the text to which the music was written, its immediate

prompt—was everywhere reduced to an embarrassment obscuring the genius of Pushkin and the genius of Prokofiev.

Passions have always run high on transpositions of Russian classics. Without a performance history, the verdict on this one is still out. But with this publication, we hope to restore the complexity of the textual field.

—Caryl Emerson

§

When first discussing the publication of Krzhizhanovsky's play in the *Pushkin Review*, Caryl Emerson and I both thought that printing a facsimile of the typescript would be ideal. The typescript, however, resists replication. In several places letters and punctuation marks bled through one page to impose themselves on another; they would look like typographical or grammatical errors in a facsimile. In other passages, faded typewritten lines would become close to illegible. Also, Prokofiev's handwritten notes in the margins are sometimes faint, and nearly all of them would be indecipherable if the typescript were scanned and then reduced to fit the 6" x 9" format of the journal.

Realizing that a facsimile would be less readable than a transcription, and therefore less useful to directors wishing to stage the play, we decided to follow the precedent set by Joseph Peschio and Igor Pil'shchikov, who published typographical transcriptions of archival manuscripts from the Green Lamp Society in volume 15 of the *Pushkin Review*. The version of Krzhizhanovsky's play, as published here, was transcribed by the journal's Assistant Editors—Rebecca Johnston, Shane Logue, and Paul Osborne—who meticulously preserved the typescript's idiosyncrasies. Ultimately, however, we decided that preserving Krzhizhanovsky's typographical errors served little purpose. I therefore proofread the text and adjusted the formatting while adding transcriptions of Prokofiev's handwritten comments. The text now conforms to the general standards for American play scripts, so as to improve its readability and its usefulness to directors. Hopefully it comes close to the author's intention at this stage in the evolution of the play script. To provide some feel for the archival text, however, we have scanned and reproduced "Fragment Seven" of the typescript.

When reading the Russian text of the play, one should keep the following in mind:

- Sometimes Krzhizhanovsky left large gaps in a line, so that words in Latin script could be added later, presumably by a non-Cyrillic typewriter. These phrases (mostly

French, some Italian) are occasionally written in. Such moments were retained in the transcription. In such instances, the word in question has been retained when possible.

- All handwritten words and phrases have been included in italics. A smaller font was used for comments written in the margins. Handwritten comments in the typescript correspond as closely as possible with their proximity to given lines in the typescript.
- Other markings—such as lines, arrows, and brackets—have been reproduced as accurately as possible.

Ivan Eubanks

Евгений Онегин

[сценическая проэкция]

Сигизмунд Доминикович Кржижановский

Evgeny Onegin

[A Scenic Projection in 14 Fragments]

Sigizmund D. Krzhizhanovsky

1936

Archival source: RGALI, Moscow
Courtesy of Galina Zlobina (Deputy Director, RGALI)
and Simon Morrison (Professor of Music, Princeton University)
June 2007

РГАЛИ 1929, оп. I. ед. хр. 86. 'Евгений Онегин.'

Сценическая проэкция С.Д. Кржижановского 'Евгений Онегин' (по роману в стихах А.С. Пушкина) + пометы, сделанные на пьесе касающиеся музыкального оформления спектакля. 1936. Автограф и машинопись. 84 стр., 29 x 21. *Italicized comments in the margins belong to Sergei Prokofiev.*

Eugene Onegin

[A Scenic Projection]

Sigizmund D. Krzhizhanovsky

1936

**Translated by James E. Falen
with the cooperation of
Caryl Emerson**

Retaining the contour of the Onegin Stanza,
incorporating Prokofiev's corrections
and insertions from Pushkin,
and with the Mimmers' Song
updated to the text Prokofiev set to music.

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

ПРОЛОГ

Занавес отодвигается, показывая книжные полки. За столом — спиной к зрителю — ПОЭТ, наклонившийся над разрозненными листами рукописи. КНИГОПРОДАВЕЦ стоит, прислонясь к книжным корешкам.

КНИГОПРОДАВЕЦ

Стишки любимца муз и граций
Мы вмиг рублями заменим
И в пук наличных ассигнаций
Листочки ваши обратим.
О чем вздохнули так глубоко
Нельзя ль узнать.

ПОЭТ

Я был далеко:

Я время то воспоминал,
Когда, надеждами богатый,
Поэт беспечный, я писал
Из вдохновенья, не из платы.
Я видел вновь приюты скал,
И темный кров уединенья,
Где я на пир воображенья
Бывало музу призывал.
И свет ее улыбкой встретил;
Успех нас первый окрылил;
Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.
И я, в закон себе вменяя
Страстей единый произвол.
С толпою чувства разделяя,
Я Музу резвую привел
На шум пиров и буйных споров,
Грозы полуночных дозоров:
И к ним в безумные пиры
Она несла свои дары
И как вакханочка резвилась,
За чашей пела для гостей,
И молодежь минувших дней
За нею буйно волочилась —

EUGENE ONEGINPROLOGUE

The curtain moves aside, revealing bookshelves. At the table, his back to the audience: the POET, bending over the scattered pages of a manuscript. The BOOKSELLER is standing, leaning against the book spines.

BOOKSELLER

I urge you, darling of the Muses,
To trade your verse for golden rubles.
We'll turn your little bits of rhyme
Into a heap of ready cash . . .
But why this sudden heavy sigh,
I'd like to know.

POET

Adrift in dreams,
I called to mind a distant day,
When I, a carefree poet, wrote
With inspiration . . . not for pay.
I saw once more beloved cliffs,
Dark refuge of my solitude,
Where I would summon up the Muse
To share imagination's feast:
And with a smile the world caressed us,
What wings our first successes gave!
The bard Derzhavin, passing, blessed us,
As he descended to the grave.
And I, who saw in life my duty
As heeding passion's siren song —
To share with all the world her beauty,
Would take my merry Muse along
To rowdy feasts and altercations —
The bane of midnight sentry stations.
And to each mad and fevered rout
She brought her gifts and danced about
Bacchante-like, at all our revels.
And over wine she sang for guests,
And in those days when I was blest,
Young men pursued my Muse like devils.

Но я отстал от их союза
 И вдаль бежал . . . она за мной.
 Как часто ласковая муза
 Мне улаждала путь немой
 Волшебством тайного рассказа.
 Как часто, по скалам Кавказа,
 Она Ленорой, при луне,
 Со мной скакала на коне.
 Вдруг изменилось все кругом
 И вот она в саду моем
 С печальной думою в очах,
 С французской книжкой в руках.

КНИГОПРОДАВЕЦ

Она.

ПОЭТ

Она звалась Татьяна . . .
 Впервые именем таким
 Страницы нежные романа
 Мы своевольно освятим.
 Дика, печальна, молчалива,
 Как лань лесная боязлива,
 Она в семье своей родной
 Казалась девочкой чужой.
 Она ласкаться не умела
 К отцу, ни к матери своей;
 Дитя сама, в толпе детей
 Играть и прыгать не хотела.
 И часто, целый день одна,
 Сидела молча у окна.
 Ей рано нравились романы;
 Они ей заменяли все;
 Она влюбилась в обманы
 И Ричардсона и Руссо.

КНИГОПРОДАВЕЦ

А он.

ПОЭТ

Отстав от суеты
 Условий света свергну в бремя,
 С ним подружился я в то время.
 Мне нравились его черты,
 Мечтам невольная преданность,

But from that band I soon departed
And fled far off — and she as well.
How often, on the path we charted,
My gentle Muse's magic spell
Would light the way with secret stories!
How often, in the moonlit nights,
She rode with me the mountain heights!
But then our course abruptly veered
And in my garden she appeared,
With mournful air and brooding glance,
And in her hands a French romance.

BOOKSELLER

And she?

POET

And she was called Tatyana.
And we may press a modest claim
To be the first to grace and honor
A tender novel with this name.
A wild creature, sad and pensive,
Shy as a doe and apprehensive,
Tatyana seemed, among her kin,
A strangeling who had wandered in.
She never seemed to show affection,
Caress her parents — either one;
For children's games and children's fun
She lacked the slightest predilection,
And oftentimes she'd sit all day
In silence at the window bay.
From early youth she read romances
And novels set her heart aglow,
She loved the fictions and the fancies
Of Richardson and of Rousseau.

BOOKSELLER

And he? . . .

POET

. . . had parted with convention,
The vain pursuit of worldly ends,
And when Eugene caught my attention,
I liked his ways, and we made friends.
I liked his natural bent for dreaming,

Не подражательная странность
И резкий, охлажденный ум.
Я был озлоблен, он угрюм;
Как часто летнею порою,
Когда прозрачно и светло
Ночное небо над Невою,
И вод веселое стекло
Не отражает лик Дианы,
Вспомня прежних лет романы,
Вспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, беспечны вновь,
Дыханьем ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы.
Как в лес зеленый из тюрьмы
Перенесен колодник сонной,
Так уносились мы мечтой
К началу жизни молодой.

КНИГОПРОДАВЕЦ

Итак, любовью утомленной,
Наскуча лепетом молвы,
Заране отказались вы
От вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свет,
И муз, и ветреную моду,
Что ж изберете вы.

ПОЭТ

Свободу.

КНИГОПРОДАВЕЦ

Прекрасно. Вот же вам совет;
Внемлите истине полезной:
Наш век торгаш; в сей век железной
Без денег и свободы нет.
Что слава. Яркая заплата
На ветхом рубище певца.
Нам нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца.
Предвижу ваше возраженье,
Позвольте просто вам сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что ж медлить. Уж ко мне заходят
Нетерпеливые чтецы;

The strangeness of his moody soul,
The cold, sharp mind that he possessed.
I was embittered; he, depressed.
How often, in the summer quarter,
When midnight skies retain their light
Above the Neva's placid water —
The river gay and sparkling bright,
And in its mirror not reflecting
Diana's visage — recollecting
The loves and intrigues of the past,
Alive once more and free at last,
We drank in silent contemplation
The balmy fragrance of the night.
Like convicts sent in dreaming flight
To forests green and liberation,
So we in fancy then were borne
Back to our springtime's golden morn.

BOOKSELLER

So wearied now by love's demands
And all the chatter love evokes,
You've chosen to untune your voice,
To quit the Muse of magic sound,
Reject the world and fashion's rites.
And all for what, I ask?

POET

For freedom.

BOOKSELLER

A splendid thought! But heed my words
And mark you well this useful truth:
This iron age depends on commerce;
And freedom, too, requires cash.
What's fame? A gaudy-colored patch
Upon the poet's tattered rags.
You need some gold, my friend, good gold;
So get it . . . and the more the better.
But I foresee that you'll object,
So let me set you straight right now:
Pure inspiration doesn't sell,
But manuscripts most surely will.
Why wait? Impatient readers clamor
And beg for more. Those journal men

Вкруг лавки журналисты бродят,
 За ними тощие певцы:
 Кто просит пищи для сатиры,
 Кто для души, кто для пера;
 И, признаюсь, от вашей лиры
 Предвижу много я добра.

ПОЭТ

Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись.
 Условимся.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ФРАГМЕНТ 1

*Церковная стена. Надгробная плита. Юный ЛЕНСКИЙ,
 стоя у могилы, расчищает концом трости надпись плиты.*

ЛЕНСКИЙ

*«Смиренный грешник Дмитрий Ларин,
 Господний раб и бригадир
 Под камнем сим вкушает мир».*
 Он был простой и добрый барин
 Он на руках меня держал.
 Как часто в детстве я играл
 Его очаковской медалью.
 Он Ольгу прочил за меня,
 Он говорил: «дождусь ли дня . . .»

*(Опустился на край могилы. Думает. Вынул
 из кармана тетрадь. Карандаш скользит по
 бумаге.)*

Я пережил свои желанья,
 Я разлюбил свои мечты.
 Остались хладные стра- . . .

(зачеркивает)

Остались мне одни страданья
 Плоды душевной пустоты;

(задумался, перечеркнул)

Invade my shop the whole day long,
 With threadbare poets close behind.
 Some crave satiric fare and fun,
 And others . . . food to feed the soul
 Or simply words to fill their pages.
 And so I say, your hallowed lyre
 Will surely bring us good receipts.

ПОЕТ

You're absolutely right. Here, take my manuscript.
 Let's agree on the terms.

PART ONE

FRAGMENT 1

*A church wall. A gravestone. The youthful LENSKY,
 standing by the grave, cleans off the inscription with the tip of
 his walking stick.*

LENSKY

*"The humble sinner Dmitry Larin,
 God's servant and a brigadier,
 Beneath this stone now resteth here."*
 He was a simple, kindly fellow.
 He dandled me upon his knee.
 In childhood days I loved to wear
 His medal from the Turkish war.
 He destined Olga for my wife
 And used to say: "oh, grant me, life,
 To see that day!" . . .

*(Lowers himself down on the edge of the grave.
 Thinks. Pulls a notebook out of his pocket.
 Pencil slides across paper.)*

I've lived to see my longings die,
 My dreams and I have grown apart
 Cold sufferings now are all . . .

(crosses out the line)

Now only sorrows haunt my eye,
 The wages of a bitter heart.

(Falls into thought, again crosses it out)

Плоды сердечной пустоты.
Безмолвно, жребию послушный,
Влачу страдальческий венец —

*(Встал, бросив листки на камень, сделал
несколько шагов, вернулся к рукописи,
пишет)*

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец.

(Продолжает)

Живу забытый равнодушный

(Грызет карандаш, перечеркивает)

Живу печальный, одинокий

И жду печальн- . . .

*(С досадой швыряет карандаш, потом
подбирает его, пишет)*

Живу печальный, одинокий,
И жду: придет ли мой конец.

об. 4 т.

(Карандаш скользит все быстрее и быстрее)

Так поздним хладом пораженный,
Как ветров слышал зимний свист,

Один на ветке . . .

(Затмение)

1 ½ м.
природ
описн
интерлюдия

оркстр кк выше но громче

ФРАГМЕНТ 2

*Небольшая комната в доме Онегина. Простой
некрашенный пол. Посередине круглый стол. На нем
полевые цветы и бутылка АИ. Два бокала. И два друга по
обе стороны стола. ОНЕГИН в качалке, на нем распахнутый
пестрый халат. ЛЕНСКИЙ в кресле с прямой спинкой.
Слуга меняет бутылку, разливает вино по бокалам и, отойдя
в сторону, набивает трубку табаком.*

ОНЕГИН

Но наше северное лето,
Карикатура южных зим.
Мелькнет и нет: известно это,
Хоть мы признаться не хотим.

The wages of a bitter heart.
Obedient to fate, and silent,
Decked in a martyr's wreath —

*(He throws the sheets down on the stone, rises,
takes several steps, then returns to the
manuscript, writes)*

Beneath the storms of hostile fate
My flowery wreath has faded fast.

(He continues)

I live alone, indifferent

(Gnaws the pencil, again crosses it out)

I live alone and sadly wait

I wait, and sad

*(With irritation flings down the pencil, then
picks it up, writes)*

I live alone and sadly wait

To see when death will come at last.

oboe 4 bars → *(The pencil slides more and more quickly)*

Just so when winds in winter moan
And snow descends in frigid flakes,
Upon a naked branch, alone,
The final leaf of summer shakes . . .

*1 ½ m.
nature
description
interlude*

← *(Dims)*

← *orchestra as above, but louder*

FRAGMENT 2

A small room in ONEGIN's house. A simple unpainted floor. In the middle, a round table. On the table some wildflowers and a bottle of Ai. Two wineglasses. The two friends sit on either side of the table. ONEGIN is in a rocking-chair; he's wearing a motley dressing gown, unbuttoned. LENSKY is in an armchair with a straight back. A SERVANT changes bottles, pours wine into the glasses and, moving off to the side, fills a pipe with tobacco.

ONEGIN

Our northern summers — what a joke!
They're parodies of southern winters,
They seem to go before they're here,
A failing that we won't admit.

ЛЕНСКИЙ

Прогулки, чтение, сон глубокий,
Лесная тень, журчанье струй . . .

ОНЕГИН

(досказывая)

Порой беглянки черноокой,
Младой и свежий поцелуй.

ЛЕНСКИЙ

Узде послушный конь ретивый . . .

ОНЕГИН

Обед довольно прихотливый,

(жест)

Бутылка светлого вина,
Уединение, тишина.

(Подливает в бокал ЛЕНСКОГО)

ЛЕНСКИЙ

(отодвигая бокал)

К АИ я больше не способен.

ОНЕГИН

АИ любовнице подобен
Блестящей, ветреной, живой,
И своенравной и пустой . . .

(пододвигает другую бутылку)

Но ты, Бордо, подобен другу,
Который, в горе и беде,
Товарищ завсегда, везде,
Готов нам оказать услугу,
Иль тихий разделить досуг.
Да здравствует Бордо, наш друг!

Чокаются и пьют. ЛЕНСКИЙ слегка охмелел.

ЛЕНСКИЙ

Налей еще мне полстакана . . .
Довольно, милый . . . Знаешь, я . . .

LENSKY

Long rambles, reading, slumber's blisses,
The burbling brook, the sylvan shade . . .

ONEGIN

(completing the lines)

And now and then the fresh, young kisses
Of dark-eyed, white-skinned country maid.

LENSKY

A horse of spirit fit to bridle . . .

ONEGIN

A dinner fanciful and idle

(makes a gesture)

A bottle of some sparkling wine,
And solitude amid the silence.

(He fills up LENSKY's glass)

LENSKY

(moving away his glass)

No more champagne, I've had enough.

ONEGIN

Champagne, I find, is like a mistress,
Vivacious, brilliant, full of froth . . .
Too willful, though, and insubstantial.

(pulls another bottle closer)

But you, Bordeaux, I find just right;
You're like a comrade, ever steady,
Prepared in trials and in grief
To render service, give relief;
A trusty fellow, always ready
To share a quiet evening's end.
Long live Bordeaux, our faithful friend.

They clink glasses and drink. LENSKY is slightly drunk.

LENSKY

Just half a glass, old chap . . . Enough.
You know, I . . .

Вынимает из кармана растрепанные листки. Встает. Онегин, пуская облачко дыма из трубки, мерно раскачивается, в такт чтению юного поэта.

ЛЕНСКИЙ

(по рукописи)

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал . . .

ОНЕГИН

(перебивая)

Читал прилежно Елисея . . .

ЛЕНСКИЙ

Читал прилежно Апулея
А Цицерона . . .

ОНЕГИН

. . . проклинал.

ЛЕНСКИЙ

А Цицерона не читал.
В те дни, в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться Муза стала мне.

*кукушка
мельни-
ческая*

*Часы с кукушкой или птицей бьют семь. ЛЕНСКИЙ
продолжает в некотором рассеянии.*

Тема

. . . . .
Являться Муза стала мне.
Моя студенческая келья
Вдруг озарилась: Муза в ней
Открыла пир младых затей,
Воспела детские веселья
И . . . и —

Вынимает брегет, нажимает пружинку: он тихо но звонко повторяет семь ударов. ЛЕНСКИЙ прячет рукопись в карман и делает знак слуге. Тот передает ему трость, дорожный цилиндр и перчатки. Нетерпеливо защелкивает кнопки перчаток.

He takes out of his pocket some crumpled sheets, stands up. ONEGIN, releasing a cloud of smoke from his pipe, rocks his chair in a measured way, keeping time to the young poet's reading.

LENSKY

(reading from a manuscript)

In days when I still bloomed serenely
Amid our lycée garden bed . . .

ONEGIN

(interrupting him)

And read Prince Yelisey so keenly . . .

LENSKY

And read my Apuleus keenly,
And Cicero . . .

ONEGIN

I cursed and fled.

LENSKY

And Cicero I never read.
Those springtime days in secret valleys,
Where swans call out and beauty dallies,
Near waters sparkling in the still
The Muse appeared and made me thrill.

*Mechanical
cuckoo*

Clock with cuckoo or bird chimes seven o'clock. LENSKY continues, somewhat distracted.

The theme

My student cell turned incandescent
And there the Muse spread out for me
A feast of youthful fancies free.
She sang of childhood effervescent,
And . . . and . . .

Takes out his Bréguet watch, pushes the spring: quietly but resonantly, it beats seven. LENSKY hides his manuscript in his pocket and makes a gesture to the SERVANT, who hands him his walking stick, top hat, and gloves. Impatiently he fastens the buttons of his gloves.

ОНЕГИН

*(движением ноги остановив размеренное,
ямбическое качание кресла-качалки.)*

Куда. Уж эти мне поэты.

ЛЕНСКИЙ

(надевая цилиндр)

Прощай, Онегин, мне пора.

ОНЕГИН

Я не держу тебя; но где ты
Свои проводишь вечера.

ЛЕНСКИЙ

У Лариных.

(пауза)

ОНЕГИН.

Вот это чудно.
Помилуй. И тебе не трудно
Там каждый вечер убивать.

ЛЕНСКИЙ

Ни мало.

ОНЕГИН

Не могу понять.
Отселе вижу, что такое:
Во первых (слушай, прав ли я)
Простая русская семья,
К гостям усердие большое.
Обряд известный угощенья:
На столик ставят вощаной
Кувшин с брусничною водой.
Несут на блюдечках варенья . . .
Зовут соседа к самовару,

ЛЕНСКИЙ

(мечтательно)

А Ольга разливает чай . . .

ОНЕГИН

Ей шепчут: “Ольга, примечай”.
Потом приносят и гитару,

ONEGIN

(stopping the measured, iambic rocking of the rocking-chair with a movement of his foot)

And so you're off. Oh God, these poets!!

LENSKY

Farewell, Onegin, time I went.

ONEGIN

I won't detain you, if you must,
But where are all your evenings spent?

LENSKY

The Larins' place.

(a pause)

ONEGIN

How marvelous! It's up to you.
But don't you find it awfully dull
Just killing time that way each night?

LENSKY

Why, not at all.

ONEGIN

I find this hard to understand.
I know the scene—well, more or less.
For starters (tell me if I'm wrong),
A simple Russian family throng,
So eager to receive their guests.
The social ritual never changes,
The hostess artfully arranges
On little dishes her preserves
And on her covered table serves
Some sort of lingonberry brew,
While neighbors crowd the samovar.

LENSKY

(dreamily)

Where Olga pours . . .

ONEGIN

They whisper: "Olga, don't look bored!"
And then they hand her a guitar;

И запищит она (бог мой):
«Приди в чертог ко мне златой».
 Варенье, вечный разговор,
 Про дождь, про лен, про скотный двор . . .
 Там ужин, там и спать пора.
 И гости едут со двора.

ЛЕНСКИЙ

(нервически)

Я тут еще беды не вижу.

ОНЕГИН

Да скука, вот беда, мой друг.

ЛЕНСКИЙ

(срывая перчатку)

Я модный свет ваш ненавижу;
 Милее мне домашний круг,
 Где я могу . . .

ОНЕГИН

Опять эклога

Да полно, милый, ради бога
 Ну что-ж. Ты едешь: очень жаль.
 Ах, слушай, Ленский: да нельзя ль
 Увидеть мне Филлиду эту,
 Предмет и мысли, и пера
 И слез, и рифм.

Представь меня.

ЛЕНЦКИЙ

Ты шутишь.

ОНЕГИН

Нету.

ЛЕНСКИЙ

Я рад.

ОНЕГИН

Когда же.

ЛЕНСКИЙ

Хоть сейчас.

Они с охотой примут нас.

And soon, good God, she starts to bawl:
“*Come to my golden chamber hall.*”
And then comes jam . . . and talk to spare
On rain and flax and cattle care.
Then supper’s served and time for bed,
And off the guests all drive, well fed.

LENSKY

(nervously)

Well, where’s the harm . . . the evening passes.

ONEGIN

The boredom, brother, there’s the harm.

LENSKY

Well, I despise your upper classes,
I like the family circle’s charm;
It’s where . . .

ONEGIN

More pastoral singing!
Enough, old boy, my ears are ringing —
And so you’re off . . . forgive me then.
But tell me, Lensky, how and when
I’ll see this Phyllis you adore,
Who haunts your thoughts and poet’s pen,
Your tears and rhymes.

Present me, do.

LENSKY

You’re joking.

ONEGIN

No.

LENSKY

I’d love to.

ONEGIN

When?

LENSKY

Why not tonight;
They’ll welcome us with great delight.

ОНЕГИН

Поедем.

Хлопает в ладоши. Слуга, исчезнувший было за дверью, появляется снова. ОНЕГИН, встав, движением плеч заставляет халат скользнуть вниз. Слуга подхватывает и, нырнув за дверь, тотчас-же выбегает с длинноносыми английскими ботинками, светлыми брюками, свешивающимися с обеих сторон его шеи, серым цилиндром, сюртуком с большими матовыми пуговицами и целым набором всякого рода щеточек, терок, коробочек, ножниц и гребешков. ЛЕНСКИЙ, нетерпеливо поглядывает на свой брегет. ОНЕГИН подставил руки под сюртучные рукава.

м.б. он
сначала на-
певает,
потом
вступает
струн, потом
он поет.

½ мин

завес.

тема
рожка
оркестром
1 ½ м.

ОНЕГИН

(напевает)

Elle était fille, elle était amoureuse

наоборот

ФРАГМЕНТ 3

Свет, погасший внизу, вспыхивает слева, в верхней части сценического куба. Это верхний этаж старого деревянного дома помещиков Лариных. Часы, старчески хрипя, отзванивают восемь. Посредине освещенной комнаты, стол, дожидаящийся гостя. Вероятно, Ленского. В глубине окно, к которому прильнула не слишком стройная, но и не черезчур округлая фигура девушки. Приставив ладони к стеклам она всматривается в гаснущий закат. На переднем плане старуха Ларина и двое пожилых СОСЕДЕЙ. У буфета ПРИЖИВАЛКА, перетирающая тарелки. Ларина, говоря, оглядывается на дверь, раскрытую на балкон.

ЛАРИНА

Как быть. Татьяна не дитя, —
Ведь Олинька ее моложе.
Пристроить девушку, ей, ей
Пора; а что мне делать с ней.
Всем наотрез одно и то же:
Нейду.

ONEGIN

Let's go.

Claps his hands. The SERVANT, who was about to disappear behind the door, again appears. ONEGIN stands up, shrugs, and his dressing gown falls to the floor. The SERVANT grabs it up and, diving behind the door, immediately runs back into the room with high English boots, bright-colored trousers hanging off either side of his neck, a grey top hat, a frock-coat with large matte buttons and a whole collection of various sorts of little brushes, graters, boxes, scissors and combs. LENSKY impatiently glances at his Bréguet. ONEGIN shoves his arms into the sleeves of his frockcoat.

perhaps at first he hums, then the refrain, then he sings

½ m.

ONEGIN

(hums)

Elle était fille, elle était amoureuse

...

the other way around

curtain

Theme of the horn with orchestra 1 ½ m.

FRAGMENT 3

A light, extinguished from below, flickers to the left, in the upper part of the stage cube. This is the upper story of an old wooden house of the rural gentry Larins. A clock, wheezing like an old man, rings out eight o'clock. In the middle of the illuminated room, a table set in expectation of a guest. Probably LENSKY. In the depths, a window, to which is pressed a not overly slender, but also not too rounded figure of a young woman. Pressing her palms to the pane of glass, she gazes into the fading sunset. Upstage, the old woman LARINA and two aging MALE NEIGHBORS. At the buffet, a FEMALE HANGER-ON, wiping the plates. LARINA, while speaking, glances at the door that opens onto the balcony.

DAME LARINA

What's to be done ? Tatyana's gown.
Her younger sister's nearly wed.
It's time that she were settled, too.
I swear I don't know *what* to do.
She turns all offers down completely,
Just says "I can't" . . .

*женск.
голос поет,
но не тему
об.*

ПРИЖИВАЛКА

(скороговоркой)

И все грустит она;
Да бродит по лесам одна.

1-Й СОСЕД

Не влюблена ль она.

ЛАРИНА

В кого же?

Буянова сватался.

2-Й СОСЕД

Отказ.

1-Й СОСЕД

(выпустив клуб дыма)

Ивану Петушкову — тоже.

ЛАРИНА

Гусар Пыхтин гостил у нас;
Уж как он Танею прельщался.

ПРИЖИВАЛКА

Как мелким бесом рассыпался.

ЛАРИНА

Я думала, пойдет авось;
Куда. И снова дело врозь.

1-Й СОСЕД

Что ж матушка. За чем же стало.
В Москву, на ярмарку невест.

2-Й СОСЕД

Там слышно много праздных мест.

ЛАРИНА

Ох, мой отец. Доходу мало

1-Й СОСЕД

Довольно для одной зимы

.....

*female voice
sings, but not
the oboe
theme*

HANGER-ON

(in a patter)

. . . then pines away
And wanders through those woods all day.

1st NEIGHBOR

Is she in love?

DAME LARINA

With whom, I wonder.
Buyanov wooed.

2nd NEIGHBOR

She turned him down.

1st NEIGHBOR

And Petushkov, Ivan as well.

DAME LARINA

Pykhtin the lancer came from town,
And seemed enchanted by Tatyana!

HANGER-ON

That little devil lost his heart.

DAME LARINA

I thought she might accept him then,
But no, the deal fell through again.

1st NEIGHBOR

But what's the problem, dear? Take heart.
To Moscow and the marriage mart!

2nd NEIGHBOR

They've vacancies galore, I hear.

DAME LARINA

But I've no money for the trip.

1st NEIGHBOR

Sufficient for one winter's stay.

.....

ЛАРИНА в сопровождении ПРИЖИВАЛКИ, выходит во внутренние комнаты, унося ненужную посуду. Оба СОСЕДА, попыхивая трубками, размышляют.

1-Й СОСЕД

Шутить, судить не без греха,
Татьяне прочить жениха . . .

2-Й СОСЕД

О свадьбе Ленского давно
У них уж было решено.
Красавец в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.

1-Й СОСЕД

(заканчивая размышления)

Сосед наш.

(испытующе смотрит на собеседника)

2-Й СОСЕД

(махнул рукой)

Неуч, сумасбродит,
Он фармазон, он пьет одно
Стаканом красное вино,
Он дамам к ручке не подходит;
Все да, да нет; не скажет да-с
Иль нет-с.

1-Й СОСЕД

(кивая)

Таков был общий глас.

Свет прожектора осторожно, будто крадучись переползает вправо: теперь, там, куда указывают раскрытые створы двери, ясно видно очертание балкона, повисшего в воздухе над спящим садом; с помощью затухающей вечерней зари, прожектор делает видимым тонкую фигуру девушки, сидящей у балконных перил. Она наклонилась над книжкой, которую быстро надвигающаяся темнота пододвигает все ближе к глазам читающей. Наконец, заря, как гаснущая лампа, окончательно отказывается освещать страницы. Девушка — это старшая сестра ОЛЬГИ,

LARINA, accompanied by the HANGER-ON, exits to the interior rooms, carrying the unnecessary dishes. Both NEIGHBORS, drawing on their pipes, think it over.

1st NEIGHBOR

We shouldn't joke or speculate,
But rumor says, she has a suitor.

2nd NEIGHBOR

(coming out of his reverie)

And as for Lensky — he's been taken.
They've even set the wedding date.
A handsome fellow, in his prime,
A poet . . . devotee of Kant.

1st NEIGHBOR

Our neighbor, though . . .

(gives his interlocutor a searching look)

2nd NEIGHBOR

(waving his hand)

is just a boor,
A crackpot and a Mason, too.
He only drinks red wine, they say,
Declines to kiss a lady's hand;
Says "yes" and "no" and never "sir."

1st NEIGHBOR

(nodding)

We've all heard this, and quite concur.

The light of the projector cautiously, as it were 'stealing,' crawls to the right; there, where opened shutters indicate doors, the outline of a balcony is clearly visible, hanging in the air over a sleeping garden. With the help of the fading evening twilight, the projector makes visible the slender figure of a girl, sitting by the balcony railing. She is bent over a book, which, in the rapidly encroaching darkness, moves ever closer to its reader's eyes. Finally the sunset, like an extinguishing lamp, definitively refuses to light up the pages. The girl — she is TATYANA, the older sister of OLGA — lowers the book to her knees. From

ТАТЬЯНА — опускает книгу на колени. Сзади к ее черным волосам осторожно притрагивается неяркий свет из столовой.

ТАТЬЯНА

(рецитируя)

Кларисса, Юлия, Дельфина,
 Любовник Юлии Больмар,
 Малек-Адель, и де Линар,
 И Вертер, мученик мятежный,
 И бесподобный Грандисон . . .
 Или задумчивый вампир,
 Или Мельмот, бродяга мрачной
 Иль вечный жид, или Корсар,
 Или таинственный Сбогар.

Слышен близящийся топот копыт. ТАТЬЯНА сперва вслушивается, с трудом оторвавшись от книги, потом отступает на порог комнаты. Теперь ее лицо и контур фигуры видны в достаточно ярком свете. ОЛЬГА оторвавшись от стекла, радостно захлопала в ладоши.

ОЛЬГА

Едет.

ТАТЬЯНА

(вслушиваясь)

Едут.

ФРАГМЕНТ 4

Знакомая уже нам комната Онегина внизу конструкций. Она слабо освещена луной. Видны только абрисы вещей. Снаружи голоса. Из внутренней двери появляется СЛУГА, поправляющий фитиль свечи, качающейся у него в руке. Входят: ОНЕГИН и ЛЕНСКИЙ. ОНЕГИН бросает слуге перчатки, швыряет на стол хлыст. Садится в качалку. Та, было, качнулась вглубь, но он придержал ее и застыл в неподвижной позе.

behind her dark hair, the dim light from the dining room is cautiously drawn in.

TATYANA

(reciting)

Clarissa, Julia, or Delphine,
And Julie's lover, Jean Wolmar,
Malek-Adhel and de Linar,
And Werther, who rebelled and lost,
The Vampire with his pensive brow,
And Grandison, forever proud . . .
Or gloomy Melmoth, tempest-tossed,
The Corsair or the Wand'ring Jew,
And enigmatic Sbogar, too.

The approaching clatter of hooves. At first TATYANA listens to it, with difficulty tearing herself away from her book, then she moves away from the threshold of the door. Now her face and the contour of her profile are visible in the scarcely sufficient light. OLGA tears herself away from the window, joyfully claps her hands.

OLGA

He's coming! . . .

TATYANA

(listening intently)

They're coming!

FRAGMENT 4

Onegin's already familiar room, at the lower level of the stage set. It is weakly lit up by the moon. Only the contours of things are visible. Voices from the outside. A SERVANT appears through an inner door, adjusting the wick of a candle, which he is cradling in his hand. Enter ONEGIN and LENSKY. ONEGIN tosses his gloves to the servant, flings his horsewhip on the table. Sits down in the rocking chair. The chair is on the verge of rocking from somewhere deep inside itself, but ONEGIN restrains it and freezes in an immobile pose.

ЛЕНСКИЙ

Ну, что-ж, Онегин. Ты зеваешь.

ОНЕГИН

Привычка, Ленский.

ЛЕНСКИЙ

Но скучаешь

Ты как то больше.

ОНЕГИН

Нет равно.

Какие глупые места.

А, кстати, Ларина проста,

Но очень милая старушка;

Боюсь, брусничная вода

Мне не наделала-б вреда.

СЛУГА, спросонок натыкаясь на стол и стулья, приносит набор каких-то бутылочек и стаканов, отсчитывает капли из пипетки. ОНЕГИН зевает. ЛЕНСКИЙ раздраженно ходит из угла в угол. ОНЕГИН, проверяя глазом стакан, поданный СЛУГОЙ, движением руки останавливает маятникообразные шаги ЛЕНСКОГО.

ОНЕГИН

Скажи . . .

(пробует жидкость на запах)

. . . Которая Татьяна.

ЛЕНСКИЙ

Да та, которая грустна,

И молчалива, как Светлана,

Вошла и села у окна.

ОНЕГИН

(проглотил декокт и безглаголиво шевелит губами)

Неужто ты влюблен в меньшую.

ЛЕНСКИЙ

А что.

Тема
Татьяны

[

LENSKY

Why all these yawns, Onegin? Really!

ONEGIN

Mere habit, Lensky.

LENSKY

But you seem

More bored than usual.

ONEGIN

No, the same.

These stupid woods and stupid streams!

Oh, by the way, Dame Larin seems

A simple, but a nice old lady.

I fear that lingonberry brew

May do me in before it's through.

The SERVANT, half asleep, stumbling up against the table and chairs, brings in a selection of bottles and glasses, measures out drops from a medicine dropper. ONEGIN yawns. LENSKY, irritated, paces from corner to corner. ONEGIN, verifying with his eye the glass handed to him by the SERVANT, with a movement of his hand, stops LENSKY's metronome-like steps.

ONEGIN

But tell me . . .

(sniffs at the liquid)

which one was Tatyana?

LENSKY

She was the one with wistful air,

Who, sad and silent like Svetlana,

Came in and took the window chair.

ONEGIN

(Swallows the concoction and grimaces squeamishly)

And you prefer the younger girl?

LENSKY

Well, so?

*Tatyana's
theme*

[

Делает шаг к нему, но Онегин, учтивым движением одной только кисти руки, просит его отодвинуться от окна и смотрит — в течение нескольких секунд — на диск выдвинувшейся в оконную раму оранжево-розовой луны.

ОНЕГИН

. . . Я выбрал бы другую,
когда-б я был, как ты, поэт.
В чертах у Ольги жизни нет,
Точь в точь в Вандиковой Мадонне,
Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна,
На этом глупом небосклоне.

СЛУГА по своему поняв хозяина, быстро задергивает занавески окна.

Музыки нет

Свет прожектора, имитирующий лунную бледность, бесшумно скользит кверху: на балконе ТАТЬЯНА. Она перевесилась через перила, навстречу тихому шороху ночного ветра, раскачивающего верхушки деревьев. Глаза ее устремлены на лунный диск, под взглядом ее заметно побледневшей.

ТАТЬЯНА

Дыханье замерло в устах,
И в слухе шум, и блеск в очах . . .
Настала ночь; Луна обходит
Дозором дальний свод небес,
И соловей во мгле древес
Напевы звучные заводит.
Душа ждала . . . Кого-нибудь,
И дождалась. Открылись очи.
Увы. Теперь и дни и ночи,
И жаркий одинокий сон,
Все полно им . . . им: — это он.

ФРАГМЕНТ 5

Комната ТАТЬЯНЫ. В глубине задернутый полог. Окно. За окном глухая ночь. К подоконнику пододвинут стол. На нем, в кувшине, букет полевых цветов и трав. Чернильница, перо и стопка бумаги. Справа от оконной рамы белая полка,

Takes a step toward him, but ONEGIN, with a courteous gesture of his wrist alone, urges him back away from the window and then himself looks out — all this in the course of several seconds — at the disc of the rosy-orange moon that has just moved inside the window frame.

ONEGIN

Were I, like you, a poet,
I'd choose the other, quiet one.
Your Olga's look is cold and dead,
She's like some dull Van Dyck Madonna.
So fair and round of face is she,
She's like that stupid moon that beams
Above that stupider horizon.

The SERVANT, understanding his master in his own way, quickly draws the curtains.

no music

The light of the projector, imitating the pale light of the moon, slides noiselessly upward: on the balcony, TATYANA. She is leaning over the railing, her face turned toward the quiet gusting of nocturnal breezes that rock the treetops. Her eyes are fixed on the moon, which has paled significantly under her gaze.

TATYANA

I hold my breath and still my lips,
My ears are filled with ringing cries
And sparkles dance before my eyes.
As night descends, the moon parades
The distant vault of heaven's hood.
The nightingale in darkest wood
Sings out its mournful serenades.
My soul has sought another's soul,
And now at last I've seen his face,
And now, alas, in sleep's embrace,
In fevered dreams, he hovers near.
All things proclaim: He's here, he's here!

FRAGMENT 5

TATYANA's room. In its depths, a shabby bed-curtain. A window. Beyond the window, the dead of night. A table pushed up against the wall. On it, in a pitcher, a bouquet of wildflowers and ferns. An inkwell, pen and stack of paper. To the right of

1 тнрв
2
1 тнрв

Состояние
Татьяны

полная книжных корешков. *ТАТЬЯНА* сидит у стола, придвинула бумагу, взяла перо, отбросила его. Она одета в скромное домашнее платье. Берет в руки перо, думает, откладывает его в сторону. В дверях *НЯНЯ*. *НЯНЯ*, тихо шаркая туфлями, подходит к *ТАНЕ*, взглядывает на циферблат часов, тикающих на стене, недовольно кивает головой.

ТАТЬЯНА

Не спится, няня, здесь так душно.
Открой окно, да сядь ко мне.

НЯНЯ распахивает окно и, пододвинув низенькую скамеечку к креслу *ТАТЬЯНЫ*, присаживается на ней.

НЯНЯ

Что, Таня, что с тобой.

ТАТЬЯНА

Мне скучно,
Поговорим о старине.

НЯНЯ

О чем же Таня. Я, бывало,
Хранила в памяти не мало
Старинных былей, небылиц
Про злых духов и про девиц.
А ныне . . .

ТАТЬЯНА

(подражая няниному сказу)

«Всех я вас люблю сердечно;
Но другому я навечно
Отдана. Мне всех милей
Королевич . . .»

(Чертит в воздухе *Е.О.*)

НЯНЯ

Елисей.

(пожевав губами и придвинув скамеечку поближе к своей пигомице, начинает сказку)

Царь о царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна

1st tenors
2nd
1st tenors

Tatyana's
condition

the window frame, a white shelf full of the spines of books. TATYANA sits at the table, pulls the paper toward her, takes up the pen, then throws it down. She is wearing a modest at-home dress. Takes up the pen again, thinks, puts it to one side. The NURSE appears in the doorway. The NURSE, shuffling her slippers, comes up to TANYA, glances at the dial of the clock ticking on the wall, shakes her head in dissatisfaction.

TATYANA

I couldn't sleep. It's stifling, nurse.
Put up the window, sit by me.

The NURSE opens the window wide and, moving a low bench toward TATYANA's chair, sits down on it.

NURSE

What ails you, Tanya; tell me, sweet.

TATYANA

I'm bored. Let's talk of olden times.

NURSE

But what about? I used to know
A lot of things . . . and fables, too,
'Bout evil ghosts and girls like you.
But nowadays . . .

TATYANA

(Imitating her nurse telling one of her tales)

"I love you all sincerely, friends,
But pledged myself to someone else
Forevermore. I've sworn my love
To one most dear — Prince . . ."

(She draws in the air the letters E. O.)

NURSE

Yelisey?

(chewing her lips and drawing her stool closer to her precious charge, she begins the fairytale)

With his suite the tsar departed,
His tsaritsa, broken-hearted,
At her window sits alone,

Села ждать его одна.
Девять месяцев проходит.
Села ждать его одна.
Девять месяцев проходит.
С поля глаз она не сводит.
Вот в сочельник в самый, в ночь
Бог дает царице дочь.
Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный
Издальца наконец
Воротился царь-отец.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла,
И к обедне умерла.
Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась и расцвела . . .

ТАТЬЯНА

Ах, няня, няня, я тоскую,
Мне тошно, милая моя:
Я плакать, я рыдать готова . . .

НЯНЯ

Дитя мое, ты нездорова;
Ты вся горишь . . .

ТАТЬЯНА

Я не больна
Я . . . знаешь, няня . . . влюблена.

НЯНЯ

Дитя мое, господь с тобою,
Дай, окроплю святой водою.

ТАТЬЯНА

Оставь меня: я влюблена.
(повтор «я влюблена»)

Hoping he will hurry home.
Nine long months of lonely pain,
Gazing at the vacant plain.
Then from God on Christmas Eve
She a daughter fair received:
On that very morning, too,
All her dreams at last came true.
He whom she had been awaiting
Faithfully anticipating,
Her beloved father-tsar
Came back home from travels far.
Filled with joy that he was nigh,
She could only heave a sigh.
But her rapture was too great.
Far too long she'd had to wait.
She fell back upon her bed
And by matins, she was dead.
As the years went slowly by,
Our tsarevna, young and shy.
Growing with each passing day,
Blossomed in a maiden's way . . .

TATYANA

Oh, nanny, I'm so miserable.
I'm sick at heart, I want to cry.

NURSE

My goodness, girl, you're burning up,
You've got a fever!

TATYANA

Oh, be still;
I'm . . . You know, nurse . . . in love, not ill.

NURSE

The Lord be with you now, my daughter;
I'll sprinkle you with holy water.

TATYANA

Oh, leave me, I'm in love . . . in love . . .

(Repeat: "I'm in love")

НЯНЯ, выполняя приказание, уходит, озабоченно оглядываясь на свою любимицу. ТАТЬЯНА одна. Она спускается по винтовой лестнице в сад. Повтор: «я влюблена — я влюблена» 3 или 4 раза на ямбе.

Состояние
Татьяны

3

ТАТЬЯНА

(на скамье сада — в глубине желтеет окно ее комнаты)

Я к вам пишу — чего же боле.
Что я могу еще сказать.
Теперь, я знаю, в вашей доле
Меня презреньем наказать.
Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотела . . .
Поверьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Когда-б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз
В деревне нашей видеть вас,
Чтоб только слышать ваши речи,
Вам слово молвить, и потом
Все думать, думать об одном
И день, и ночь до новой встречи.

музыка
психлг
характера

2

За прохладным окном колотушка сторожа. ТАТЬЯНА вслушивается, спрятав лицо в ладони. Колотушка отдаляется — удары ее тихи, как удары сердца. ТАТЬЯНА подымает лицо.

ТАТЬЯНА

Но говорят, вы нелюдим;
В глуши, в деревне, все вам скучно,
А мы . . . ничем мы не блестим,
Хоть вам и рады простодушно.

(Нервно — переставляет безделушки на столе)

Зачем вы посетили нас.
В глуши забытого селенья,
Я никогда б не знала-б вас,
Не знала-б горького мученья,
Души неопытной волненья
Смирив со временем (как знать),

The NURSE, following orders, leaves, casting a worried glance at her beloved charge. Tatyana is alone. She descends a spiral staircase into the garden. Repetition: "In love. In love" two to four times, to an iambic beat.

TATYANA

*Tatyana's
condition*

3

(sitting on the bench in the garden — in the depths, the window of her room gleams yellow)

I'm writing you. What else is there
To add, what else is there to say?
I know that now it's in your power
To censure me and turn away.
But if my hapless, wretched lot
Evokes some pity in your heart,
You won't abandon me, I hope.
At first I wanted to be silent;
Believe me, you'd have never learned
My secret shame, had I discerned
The slightest hope that on occasion,
Just once a week, I'd see your face,
Behold you at our country place,
Might hear you speak a friendly greeting,
Could say a word to you . . . and then,
Could dream all day and night again
Of but one thing, till our next meeting.

*music of a
psycho-
logical
character*

2

Behind the window, in the cool of night, the watchman's wooden rattle. TATYANA listens intently, hiding her face in her hands. The rattle grows more distant — its beats are quiet, like heartbeats. TATYANA raises her head.

You don't like company, they say,
And find the country unappealing;
Though we don't shine in any way,
We welcome you, with ardent feeling.

(Nervously rearranges her knick-knacks on the table)

Why did you ever visit us?
In this forsaken country place
I never would have known you then,
Or known this bitter, bitter ache.
Perhaps, in time, I might have curbed
My dreams, subdued this inner strife;

По сердцу я нашла бы друга,
 Была бы верная супруга
 И добродетельная мать.
 Другой . . . Нет, никому на свете
 Не отдала бы сердца я.
 То в высшем суждено совете . . .
 То воля неба: я твоя;
 Вся жизнь моя была залогом
 Свиданья верного с тобой;
 Я знаю, ты мне послан богом,
 До гроба ты хранитель мой . . .
 Ты в сновиденьях мне являлся,
 Незримый ты мне был уж мил,
 Твой чудный взгляд меня томил,
 В душе твой голос раздавался
 Давно . . . нет, это был не сон.

без музыки

Вслушивается в редеющую ночь. Сейчас уже, в сине-желтой проступи рассвета видны четкие контуры деревьев. Как это бывает иногда перед зарей, легкий толчок ветра качнул кроны деревьев, сад вздохнул, точно спросонок и снова беззвучие.

Ты чуть вошел, я вмиг узнала,
 Вся обомлела, запылала
 И в мыслях молвила, вот он.

(Очертания пейзажа стали еще ясней).

Неправда ль. Я тебя слыхала:
 Ты говорил со мной в тиши,
 Когда я бедным помогала,
 Или молитвой услаждала
 Тоску волнуемой души. . .

Зачирикали воробьи, где-то далеко застучал колесный обод, слышен хор деревянных колотушек, шевелимых шеями коров, выгоняемых на пастьбу.

И в это самое мгновенье
 Не ты ли, милое виденье,
 В прозрачной темноте мелькнул
 Приникнул тихо к изголовью.
 Не ты-ль, с отрадой и любовью,
 Слова надежды мне шепнул.

I might have found (who knows?) another,
 Become a conscientious mother,
 And been a calm and faithful wife.
 Another! No! In all this world
 It's you alone that I adore.
 The heavens chose my destiny
 And made me yours forevermore!
 My life, till now, has been a token
 In pledge of meeting you, dear friend;
 And in your coming, God has spoken,
 You'll be my savior . . . till the end!
 You filled my dreams and sweetest trances:
 As yet unseen . . . already dear;
 You stirred me with your wondrous glances,
 Within my soul, your voice rang clear
 So long ago. This was no dream.

*without
 music*

*Listens in intently to the thinning night. Now the sharply-
 etched contours of the trees become visible in the bluish-yellow
 approach of dawn. As sometimes happens before sunrise, a
 light burst of wind rocks the tops of the trees, the garden sighs,
 precisely as if half asleep; then again, soundlessness.*

When you came in, I seemed to waken,
 I turned to flame, felt faint and shaken,
 And in my heart I cried: It's him!

*(The outlines of the landscape become clearer
 and clearer.)*

And it was you I heard reply
 When I beseeched the quiet night,
 Or offered help to those in need,
 Or prayed to God that he might ease
 The anguish of my troubled soul.

*Sparrows have begun to chirp, somewhere in the distance the
 rim of a wheel creaks; a chorus of wooden rattles is heard,
 produced by the necks of cows being driven out to pasture.*

And even now, my precious vision,
 Did I not see your apparition
 Flit softly through the lucent night?
 Was it not you who seemed to hover
 Above my bed, an angel-lover
 To whisper hope and sweet delight?

Кто ты, мой ангел — ли хранитель,
Или коварный искуситель:
Мои сомненья разреши.

Идет к дому и подымается к себе

1 б.
3 б.

Подходит к столу, макает перо в чернила и быстро пишет. В это время за окном рассвело. Где то близко под окном прокатились мягко колеса. Теперь ТАТЬЯНА пишет, диктуя себе самой.

Быть может, это все пустое
Обман неопытной души.
И суждено совсем иное . . .
Но так и быть. Судьбу мою
Отныне я тебе вручаю
Перед тобою слезы лью
Твоей защиты умоляю . . .
Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает,
Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна
Я жду тебя: единым взором
Надежды сердца оживи,
Иль сон тяжелый перерви,
Увы, заслуженным укором.

(Отложила перо. Тушит свечи. Перечитывает)

Кончаю. Страшно перечесть . . .
Стыдом и страхом замираю . . .
Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю.

3 f > 1 (чт?)

вершина

На пороге НЯНЯ. У нее поднос с чайным прибором.

м.б. будет
продлжен
сцена, м.б.
нет

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ФРАГМЕНТ 6

Знакомая нам уже комната в деревенском доме Онегина. Тот же стол. Та же качалка. Онегин сидит перед зеркалом, весь погруженный в процедуру стрижки, чистки и полировки ногтей. Около него хлопочет ПАРИКМАХЕР только что положивший щипцы для завивки волос на

Are you my angel of salvation?
Or hell's dark demon of temptation?
Be kind . . . and drive my doubts away.

Returns to the house and climbs up the stairs to her room.

1 b.
3 b.

*Goes up to the table, dips pen in ink and quickly writes.
During this time it has grown light outside the window. Now
TATYANA is writing, dictating to herself.*

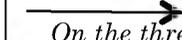
This may be raving — nothing more,
Just words a foolish girl would say,
While fate has something else in store.
So be it then. Henceforth I place
My faith in you and your affection;
I'm writing with a tear-stained face
And begging you for your protection.
You cannot know: I'm so alone,
There's no one here who understands,
I've lost my mind; it's all absurd,
And I must die . . . without a word.
I wait for you and your decision:
Revive my hopes with just a sign
Or halt this heavy dream of mine —
Alas, with well-deserved derision.

*(She puts the pen away, extinguishes the
candles, re-reads . . .)*

It's done. How awful to re-read . . .
I shrink with shame and fear. But surely,
Your honor's all the pledge I need,
And I submit to it securely.

3 f > 1
(what?)

the peak

*On the threshold of the door, the NURSE. She carries a tray
with tea.*

*maybe there
will be a
continuation
of this
scene,
maybe not*

PART TWO

FRAGMENT 6

The already familiar room in Onegin's rural house. Same table, same rocker. ONEGIN sits in front of the mirror, immersed in procedures for hair-cutting and the cleaning and polishing of nails. Near him a HAIRDRESSER fusses around,

специальную подставку — концом в желтое пламя свечи.
Банки-баночки-пудреницы-щипчики, ножницы-ножнички-
шершавые напильнички-замшевые подушечки-кисточки и
т. п.

м.б. это
интрдкц

ОНЕГИН

(напевает)

Elle était fille, elle . . .

. . . . .

Щипцы, прижегшие ему висок, обрывают песню. В дверях
СЛУГА с почтой на подносе. ОНЕГИН, пока ФРИЗЕР
полирует ногти левой руки, правой перебирает журналы,
разрывая им бандероль. Полуоткрыл одну — отбросил;
другой — тоже. Под грудой заграничных РЕВЮ и
СПЕКТАТОРОВ знакомое глазу зрителя письмо с розовой
облаткой. По знаку ОНЕГИНА, ФРИЗЕР ножницами
срезает край конверта и передает письмо своему господину.
Тот читает про себя.

«Я к вам пишу — гм — чего же боле.
Что я могу еще сказать.
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.
Когда-б надежду . . . вашей речи . . .
И день, и ночь до новой встречи . . .
Но говорят . . . вы . . . все вам скучно.
А мы . . . ничем . . . мы простодушно
Зачем вы . . . я не знала-б вас . . .
Зачем вы посетили нас.

1 б. celli +
сах и ниже
Татьяна

Отдергивает левую руку из под щипчиков и ножничков
ФРИЗЕРА. Делает знак — уйти. ФРИЗЕР и СЛУГА
недоуменно пятятся к двери. ОНЕГИН обоими руками взял
письмо, перевернул страницу и молча читает, подняв брови.

Другой. . . .
Нет, нкму
на свете не
отдла бы
срдца я. То
в вышнем
суждно
совете, То
воля неба: я
твоя

→
Придвинулся к столу. Открыл ящик. Вынул из него ларец.
Тонкий звон ключа. Перебирает письма, сувениры любви,
чьи-то локоны — улыбается воспоминаниям. Письмо
Татьяны лежит рядом с ларцом, готовое туда войти.

having just placed tongs for hair-curling on a special stand in the yellow light of a candle. Jars — little jars — little powder-cases — scissors — tweezers — rough nail files — little suede pillows — little brushes etc.

ONEGIN

(hums under his breath)

Elle était fille, elle était amoureuse

*perhaps the
intro*

Tweezers, applied to his temples, interrupt the song. In the doorway, a SERVANT with mail on a tray. ONEGIN, while the BARBER polishes the nails on his left hand, rummages with his right hand through the journals, rips open a package. Having half opened one, he throws it out; does the same with another. Under the pile of foreign Reviews and Spectateurs, the letter with a pink paper seal, already familiar to the audience. At a sign from ONEGIN, the BARBER cuts the edge of the envelope with a pair of scissors and hands the letter to his master. ONEGIN reads to himself:

I'm writing you . . . hmmm . . . what else . . .
Is there . . . to say?
I know that now . . . you may decide
To censure me . . . and turn away.
If there'd been hope . . . to hear your greeting . . .
All night and day . . . til our next meeting.
They say . . . that you . . . it's unappealing.
And we . . . don't shine . . . but we, with feeling.
Why did you . . . I'd have never known . . .
Why did you ever visit us?

*1 b. celli +
sax and
below
Tatyana*

Pulls his left hand out from under the barber's little clippers and knives. Makes a sign for him to leave. The BARBER and the SERVANT hide behind the door in some confusion.

*Another!
No, to no
one else on
earth could
I now give
my heart.
It's been
decreed on
high, the
will of
heaven: I
am yours.*

ONEGIN takes hold of the letter with both hands, turns the page and reads it silently, raising his eyebrows.

Goes up to the table. Opens a drawer. Pulls out a little chest. The delicate sound of a key. Rummages around in the letters, souvenirs of love, a lock of someone's hair — smiles at the reminiscences. Tatyana's letter lies right alongside the chest, ready to go inside.

Я знал красавиц недоступных,
 Холодных, чистых, как зима,
 Неумолимых, неподкупных,
 Непостижимых для ума;
 Дивился я их спеси модной,
 Их добродетели природной.
 И признаюсь, от них бежал,
 И мнится, с ужасом читал
 Над их бровями надпись ада:
 Оставь надежду навсегда
 Внушать любовь для них беда.
 Пугать людей для них отрада.
 Других причудниц я видал,
 Самолюбиво равнодушных
 Среди поклонников послушных
 Для вздохов страстных и похвал.
 И что-ж нашел я с изумленьем.
 Они, суровым поведением
 Пугая робкую любовь,
 Ее привлечь умели вновь,
 И с легковерным ослепленьем
 Опять любовник молодой
 Бежал за милой суетой.
 За что-ж виновнее Татьяна?
 За то-ль, что в милой простоте
 Она не ведает обмана
 И верит избранной мечте.
 За то-ль . . .

1 a

кусочек Татьяны
 между строками

Татьян.

1 б.
 celli

снова Т

Хочет бросить письмо в ларец, кладбище его романов. Но
 последняя страница письма удерживает его руку:
 перечитывает:

«Но так и быть. Судьбу мою
 Отныне я тебе вручаю,
 Перед тобою слезы лью,
 Твоей защиты умоляю . . .»

(Резко отодвигает ларец. Письмо остается
 лежать на столе.)

Встав, ОНЕГИН делает не сколько шагов и останавливается
 в нерешительности. На письмо надо как-то прореагировать.
 Но как. В существе ответа у него уже нет колебаний. Весь
 вопрос в том, какую форму выбрать для объяснения.

I've known great beauties proudly distant,
 As cold and chaste as winter's snow,
 Implacable, to all resistant,
 Impossible to really "know."
 I've marveled at their morbid pride,
 Their flaunting of their natural virtue,
 And I confess, I fled them fast,
 As if I'd read above their brows
 The terrifying sign of Hades:
Abandon Hope, Who Enters Here!
 For love offends these lovely ladies;
 They much prefer instilling fear.
 And I've known other charmers, too,
 Impervious and self-absorbed,
 Inured to passion and to praise
 From all their loyal devotees.
 And what did I, amazed, discover?
 On scaring off some timid lover
 With their severe and rigid tone,
 They'd lure the fellow back again!
 And credulous, as blind as ever,
 The youthful lover, with his yen,
 Would chase deluded hope again.
 So why is Tanya more to blame?
 Because she fails to see deception?
 Because her sweet and simple heart
 Believes that love is not a game?
 Because . . .

*A piece of
 Tatyana
 between the
 lines*

1 a

[

*Tatyana
 1 b.
 cell*

[

He wants to throw the letter into his little chest, the cemetery of his romances. But the final page of the letter restrains his hand; he re-reads it:

"So be it then. Henceforth I place
 My faith in you and your affection
 I'm writing with a tear-stained face,
 And begging you for your protection."

T. again

He abruptly pushes the chest aside. The letter remains on the table. Getting up, ONEGIN takes several steps and then stops in indecision. Somehow he has to react to this letter. But how. He has no doubt about the essence of his answer. The whole question is the form he should choose for his explanation.

музк
Онегина

*ОНЕГИН, как бы “репетирует” варианты своего ответа
ТАТЬЯНЕ. Он обращается к невидимому объекту:*

Когда бы жизнь домашним кругом
Я ограничить захотел;
Когда-б . . .
(меняет вариант)

Та же после
перерва

Когда б семейственной картиной
Пленился я хоть миг единый:
То, верно б, кроме вас одной . . .
(Грызет ноготь. Не то. С внезапным порывом)

без муз

Примите исповедь мою;
Себя на суд вам отдаю.
(Нет — слишком неприкровенно.
Сдерживается. С налетом фатовства.)

нов музка,
более
фатоватая

Скажу без блессток мадригальных:
Нашед мой прежний идеал,
Я верно б вас одну избрал
В подруги дней моих печальных,
Всего прекрасного в залог,
И был бы счастлив . . . сколько мог.
Что может быть на свете хуже
Семьи, где бедная жена
Грустит о недостойном муже,
И днем и вечером одна;
Где скучный муж, ей цену зная
(Судьбу однако-ж проклиная),
Всегда нахмурен, молчалив,
Сердит и холодно-ревнив.
Таков я. И того ль искали
Вы чистой, пламенной душой,
Когда с такою простотой
С таким умом ко мне писали . . .

*Внезапный стук. ОНЕГИН оборвал речь. Входит
ЛЕНСКИЙ, стряхивая с плеч своего зимнего казакина
селитренный налет первой пороши. Он очень оживлен и
весел.*

*Onegin's
music*

ONEGIN, as it were, "rehearses" variants of his answer to TATYANA. He addresses himself to an invisible object:

If I had wished to limit life
To hearth and home and family ways,
If I had . . .

(he alters the variant)

*The same
after a break*

If I had ever been enticed
By trappings of domestic bliss
If I were tempted, trust me, this . . .
Then only you . . . for all my days . . .

*(Gnaws his nails. Not right. With a sudden
impulse)*

no music

Hear, if you will, my true confession
And judge me then as you see fit.

*(No — it's too blunt. He tones it down. With a
touch a foppishness.)*

*new music,
more foppish*

I'll say, without a madrigal,
That having found my past ideal,
I would have chosen you as bride,
The mate to share my mournful days,
My gauge of beauty and of good —
And been as happy as I could.
But surely there is nothing worse
Than families where the wretched wife,
Attached to an unworthy spouse,
Is left alone both day and night;
Her husband, knowing well her virtues,
Is still annoyed and curses fate,
Is always sullen, angry, mute,
A coldly jealous, selfish brute.
Well, such am I. And was it this
For which your ardent spirit pined,
When with such innocence of soul,
Such strength of mind, you wrote . . . to find . . .

A sudden knock. ONEGIN interrupts his speech. LENSKY enters, shaking the powdery-thin coating of the first dusting of snow from the shoulders of his knee-length winter coat. He is very animated and in cheerful spirits.

ОНЕГИН

Ну, что соседки. Что Татьяна?

(спохватившись)

Что *Ольга* резная твоя?

ЛЕНСКИЙ

(прежде, чем ответить, наливает из графина стакан вина и осушает залпом. ОНЕГИН хочет снова наполнить стакан.)

Налей еще мне пол стакана.
 Довольно милый . . . вся семья
 Здорова; кланяться велели.
 Ах, милый, как похорошели
 Ольги плечи, что за грудь.
 Что за душа . . . Когда-нибудь
 Заедем к ним; ты их обяжешь;
 А то, мой друг, суди ты сам:
 Два раза заглянул, а там
 Уж к ним и носу не покажешь.
 Да вот . . . какой же я болван,
 Ты к ним на той неделе зван.

(свет)

музк
Ленск

*(до ах
милый или
после)*

ОНЕГИН

Я?

ЛЕНСКИЙ

Да, Татьяны именины
 В субботу. Оленька и мать
 Велели звать и нет причины
 Тебе на зов не приезжать

1 а Татьяна

ОНЕГИН

Но куча будет там народу
 И всякого такого сброду . . .

ЛЕНСКИЙ

И никого, уверен я.
 Кто будет там? своя семья.
 Поедем, сделай одолжение
 Ну, что ж.

ONEGIN

What news of our fair neighbors now?
Tatyana? And your sprightly *Olga*?

LENSKY

*(Before answering, pours himself a glass of wine
from the carafe and drains it in one gulp.*

ONEGIN wants to fill his glass again.)

Just half a glass . . . enough, old boy . . .

The family's well; they send their best. *(light)*

Oh God, my friend, the sheer perfection
Of *Olga's* shoulders! And her breast!

And what a soul! Come visit, do!

You really must; they'll see us gladly.

You've only been there once or twice

And such behavior's hardly nice.

One shouldn't treat the neighbors badly.

In fact — Good Lord, how dense I am!

This very week they've asked you there.

ONEGIN

They have?

LENSKY

It's *Tanya's* name-day celebration,

This Saturday. Her mother's sent —

And *Olga*, too! — an invitation.

Now don't refuse, it's time you went.

ONEGIN

There'll be too many people there,
With all that crowd of local rabble.

LENSKY

Why, not at all. They just intend

To have the family. Be a friend,

Do *me* the favor. Come, let's go!

We'll both enjoy ourselves, I know.

*Lensky's
music*

*(before Oh
God or after
it)*

1st Tatyana

ОНЕГИН

(после колебанья)

Согласен.

ЛЕНСКИЙ

Как ты мил.

*(крепкое и длительное рукопожатие)*ФРАГМЕНТ 7

Порог широко-распахнутой двери разделяет сцену на внутреннюю и внешние площадки. Там, за дверью освещенный зал, лишь часть которого доступна глазу зрителя. Здесь полутемная небольшая комната, три стены которой сошлись под непрямыми углами. Там, за порогом, паркет освобожден от вещей, но заполнен мелькающими фигурами, которые кружат польку. Здесь, по сю сторону порога, безлюдно, но зато полно всяческих вещей. Сюда стащили столы, нагроможденные друг на друга, какие-то четырехлапые бювары и неуклюжие комоды. В углу ряд пузатых, оплетенных соломой и прутьями бутылей, пустых и полных, штофов и прочей хозяйственной утвари.

Вбегает ТАНЦОР. Впопыхах он попадает ногой в блюдо со студнем. Прошипев что-то невнятное сквозь зубы, оттирает платком-поочередно-пот со лба и студень со штрипки — и снова ныряет в вальс.

Входит ТАТЬЯНА, в след за ней ОНЕГИН. Впечатление будто ТАТЬЯНА убегает от наступающих ее слов спутника.

ОНЕГИН

(заканчивая)

Так видно небом суждено.
 Полюбите вы снова: но . . .
 Учитесь властвовать собою,
 Не всякий вас, как я, поймет;
 К беде неопытность ведет.
 Судите же, какие розы . . .

*Полька
 ванье
 клавиш за
 кулис*

*Онегин
 горит за
 кулисами
 оркестр; но-
 тперь
 драмный*

ONEGIN

(after some hesitation)

All right, I'm game.

LENSKY

How good you are.

(A robust and lengthy handshake.)

FRAGMENT 7

The threshold of a door, wide open, divides the stage into inner and outer areas. Beyond the door a brightly illuminated hall, only a part of which is visible to the spectator. In front of the door, a half-dark, small room, three walls of which come together at oblique angles. Beyond the threshold, the parquet floor has been cleared of objects but is filled with flickering figures, who are whirling around in a polka. To this side of the threshold there are no people, but the space is full of all sorts of things. Here is where they've stuck all the tables, piled one on top of another, together with four-cornered briefcases and clumsy chests of drawers. In the corner, a series of pot-bellied jugs, woven together with straw and twigs, empty and full, water bottles and other domestic utensils.

*Polka
harpsichord
offstage*

A DANCER runs in. In his haste his foot stumbles into a dish of cold aspic. Hissing some incomprehensible word through his teeth, he alternately wipes sweat from his brow with a handkerchief and the cold jelly from the braid of his pant leg — and again dives back into the polka.

TATYANA enters, and after her ONEGIN. One has the impression that TATYANA is trying to escape her companion's words, which are overtaking her.

ONEGIN

(completing his lines)

The heavens rule a maiden's heart;
You'll fall in love again, but learn
To exercise restraint and reason,
For few will understand you so,
And innocence can lead to woe.
So judge yourself, what roses . . .

ТАТЬЯНА прислонилась ладонью к стене, другая рука ее прижата к груди; она с трудом удерживает подступающие к горлу рыдания.

ОНЕГИН

(оглянулся на проходящую мимо пару, с раздражением)

Начнете плакать: ваши слезы
Не тронут сердца моего,
А будут лишь бесить его.
Таков я. И того ль искали
Вы чистой пламенной душой,
Когда с такою простотой,
С таким умом ко мне писали?

(Заметив приближение посторонних, кланяется и уходит в зал)

ТАТЬЯНА

(одна)

Погибну я. Как будто бездна
Клубит, чернеет и шумит.
Но гибель от него любезна.
Я не рошщу. Зачем роптать?
Не может он мне счастье дать.

(Хочет вернуться в зал, но на пороге, держа друг друга под локти, БУЯНОВ и ЗАРЕЦКИЙ. Оба в легком подпитии.)

БУЯНОВ

(жеманно кланяясь ТАТЬЯНЕ и шутя скандируя на русский лад)

Reveillez-vous, belle endormie

.....

ОЛЬГА

(вбегают, раздвигая руками обоих)

Приехал ротный командир
Вошел . . . Ах, новость, да какая.
Музыка будет полковая.

сразу воен музыка кадрил? галоп? если играет [1 – 1 ½ минуты

Полька

сентим
вальс у
струнх 8
тктв

прдлж
дух орж
клевсны

TATYANA, leaning against the wall with one palm, her other hand pressed to her chest; with difficulty she restrains the sobbing that rises to her throat.

ONEGIN

(glancing with irritation at a passing couple)

You'd start to weep, but all your tears
Would fail to touch my rigid heart;
They'd only drive me to a rage.
That's how I am. And was it this
For which your ardent spirit pined,
When with such innocence of soul,
Such strength of mind, you wrote to me?

(Having noticed the approach of outsiders, he bows and exits into the hall)

TATYANA

(alone)

I'm perishing. A black abyss
Has opened up, it looms before me,
But death from *him* is sweet release.
I don't complain or feel distress.
He cannot give me happiness.

(Wants to return to the hall, but on the threshold, supporting one another by the elbows. BUYANOV and ZARETSKY. Both are a little drunk.)

BUYANOV

(foppishly bows to TATYANA and jokingly declaims, syllable by syllable, in the Russian manner):

Réveillez-vous, belle endormie.

OLGA

(runs in, separating the two with her hands)

The company commander's here.
He's brought the regimental band!
What splendid news — there'll be a ball!

suddenly military music.

Quadrille? Galop? If played [1 – 1 ½ minutes

polka

*sentimental
waltz in
strings, 8
bars*

*continue
harp:
chords*

ОЛЬГА хватает ТАТЬЯНУ за руку и увлекает в зал.

*1 я полька,
но военн
оркестр*

ЗАРЕЦКИЙ

(пожимая локоть спутнику)

В дуэлях классик и педант,
Люблю методу я из чувства
И человека растянуть
Позволю . . . я не как-нибудь
А в строг . . .

БУЯНОВ

(перебивая)

И жирный был пирог.

ЗАРЕЦКИЙ

К несчастью пересоленный

(заметив в углу бутылки)

Да вот в бутылке засмоленной . . .

БУЯНОВ

За ним строй рюмок, узких, длинных

*(наклоняется к бутылкам, разливает вино по
двум бокалам, чокается с ЗАРЕЦКИМ)*

Подобных талии твоей,

(Прищуриваясь, всматривается в бокал)

Зизи, кристалл души моей,

Предмет стихов моих невинных,

Любви приманнивой фиал,

Ты, от кого я пьян . . .

*(чокаются, выпивают, БУЯНОВ слегка
качнулся)*

. . . бывал.

*(наливает по второй. Звон встретившихся
бокалов)*

Приятно дерзкой эпиграммой

Взбесить оплошного врага:

Приятно . . .

(пьют)

. . . зреть как он упрямо

Склонив бодливые рога . . .

OLGA grabs TATYANA by the hand and pulls her back into the hall.

*1st polka,
but
military
orchestra*

ZARETSKY

(pressing his companion's elbow)

Regarding duels — I'm doctrinaire,
A pedant and a classicist.
I love good form and won't allow
Dispatching chaps just anyhow.
I call for strict . . .

BUYANOV

(interrupting)

. . . The pie was greasy.

ZARETSKY

And badly oversalted, too.

(Notices some bottles in the corner)

Look here! A bottle sealed with pitch.

BUYANOV

And glasses too, with narrow stems . . .

*(Bows to the bottles, pours out some wine into
two wineglasses, clinks glasses with
ZARETSKY)*

As slender as your lovely waist,

(Squinting, he scrutinizes the glass)

Zizi! You crystal of my soul

And object of my youthful verse —

Love's luring phial, you who once

Made me a love-sick . . .

(they toast, drink up, BUYANOV sways slightly)

. . . drunken dunce.

*(he pours them each a second glass, then the
ring of glasses meeting)*

It's pleasant to provoke a foe

With epigrams of nasty spite,

And pleasant . . .

(they drink)

. . . when he then responds

By butting with his cuckold's horns . . .

ЗАРЕЦКИЙ

Еще приятнее в молчаньи
Ему готовить честный гроб
И тихо целить в бледный лоб . . .

БУЯНОВ

(хихикнув)

. . . На благородном расстоянии.
Люблю я бешеную младость
И тесноту и блеск и радость
И дам обдуманый наряд.

*(Поворачивается на звуки музыки,
перешедшие от вальса к кадрили.
Прищелкивая пальцами):*

Люблю их ножки.

ЗАРЕЦКИЙ

Только вряд

Найдете вы в России целой
Три пары стройных женских ног.

БУЯНОВ

Ах, долго я забыть не мог
Две ножки. Грустный, охладельный . . .
Ах, ножки, ножки. Где вы ныне.

полька

Увлекаемый движением пар и мельканьем ног, исчезнет в танцевальном зале. ЗАРЕЦКИЙ хочет еще раз наклониться к бутылке, но на пороге появился ОНЕГИН, иронически лорнирующий его.

ОНЕГИН

*(он, очевидно, ищет ТАТЬЯНУ, чтобы
кончить разговор)*

А, здравствует еще доньне
В философической пустыне
Зарецкий, некогда буян,
Картежной шайки атаман.

ЗАРЕЦКИЙ угодливо уланяется и разводит руками, как бы прося говорить потише.

Ты правда, в туз и пистолета.

ZARETSKY

More pleasant yet when you reply
By granting him his resting place
And shooting at his pallid face.

BUYANOV

(hiccupping)

. . . From some quite gentlemanly distance.
I love youth's wanton, fevered madness,
The crush, the glitter and the gladness,
The ladies' gowns — so well designed.

*(Twirls around to the sounds of the music,
which are shifting from waltz to quadrille.
Snapping his fingers)*

I love their feet.

ZARETSKY

Although you'll find
That all of Russia scarcely holds
Three shapely pairs of ladies' feet.

BUYANOV

How long it took me to forget
Two precious feet. Now sad and cold,
I still lament those feet of old.

polka

Distracted by the movement of the dancers and the flashing of feet, he disappears into the dance hall. ZARETSKY wants to bow once more to the bottle, but ONEGIN appears on the threshold, ironically fixing his lorgnette on him.

ONEGIN

(Apparently seeking TATYANA, to finish the conversation)

Why even now he lives and thrives
In philosophical seclusion,
This one-time rowdy clown, Zaretsky,
Chief gambler, biggest rake in town.

ZARETSKY politely bows and spreads his hands, as if begging him to speak more softly.

He could, it's true, shoot rather well . . .

ЗАРЕЦКИЙ

(поправляя)

. . . В пяти саженьях попадал

ОНЕГИН

Умел и весело поспорить

ЗАРЕЦКИЙ

(протирая руки)

Остро и . . .

ОНЕГИН

. . . тупо отвечать,

Друзей поссорить молодых

И на барьер поставить их.

ЗАРЕЦКИЙ

(Качая головой — были мол времена)

. . . . .

ОНЕГИН

(Круто повернув лицо к залу, где танцуют)

. . . Кто эти?

ЗАРЕЦКИЙ

С своей супругою дородной

Вот этот толстый — Пустяков;

Гвоздин — хозяин превосходный,

Владелец нищих мужиков;

Скотинины, чета седая,

С детьми всех возрастов, считая

От тридцати до двух годов;

Уездный франтик Петушков;

Мой брат двоюродный, Буянов,

И отставной советник Флянов

Тяжелый сплетник, старый плут,

Обжор я, взяточник и . . .

ОНЕГИН

. . . шут.

*медленй
менуе,
если можно*

ЗАРЕЦКОМУ удастся наконец ступешваться.

ZARETSKY

(correcting him)

And hit an ace from twenty paces.

ONEGIN

Could banter boldly . . .

ZARETSKY

(rubbing his hands)

. . . has a knack . . .

ONEGIN

For being stupid. How he loved
 To goad two friends to start a fight,
 Then lead them to the dueling site.

ZARETSKY

(shakes his head — as if to say, those were the days)

. . . . .

ONEGIN

*(abruptly turning toward the hall where people are dancing)*Who *are* these people?

ZARETSKY

Fat Pustyakov, the local charmer,
 Is dancing with his portly wife;
 And there's Gvozdin, that model farmer,
 Whose peasants lead a wretched life;
 The two Skotinins, gray-haired sages,
 With children of all shapes and ages,
 From thirty down to two years old;
 That's Petushkov, the district fop,
 And there's my cousin, good Buyanov,
 And former couns'lor, old man Flyanov,
 A rogue and gossip night and noon,
 A glutton, grafter . . .

ONEGIN

. . . and buffoon.

*slow
 minuet if
 possible*

At last, ZARETSKY succeeds in fading into the background.

без музыки

Входят, не замечая ОНЕГИНА, ЛЕНСКИЙ и ОЛЬГА. В руках у ЛЕНСКОГО раскрытый альбом и перо. ОЛЬГА, идет следом за ним, заглядывая через плечо своего жениха. ЛЕНСКИЙ вписывает в альбом несколько строк.

ЛЕНСКИЙ

(читает написанное, все еще не замечая ОНЕГИНА, которому ОЛЬГА успела кивнуть.)

«Блажен, блажен любовник скромной,
Читающий мечты свои
Предмету песен и любви,
Красавице приятно-томной».

ОНЕГИН

(с сухим смехом)

Блажен . . . хоть, может быть она
Совсем иным развлечена.

ЛЕНСКИЙ хочет захлопнуть альбом но ОНЕГИН, испросив взглядом разрешение хозяйки альбома, протягивает руку к тетради.

ОЛЬГА

(на несколько секунд еще удерживая альбом в своих руках)

Конечно, вы не раз видели
Уездной барышни альбом,
Что все подружки измарали
С конца, с начала, и кругом.
Сюда . . .

ОНЕГИН

. . . на зло правописанью,
Стихи без меры . . .

ЛЕНСКИЙ

(горячо)

. . . по преданью
В знак дружбы верной внесены.

no music

Enter LENSKY and OLGA, without noticing ONEGIN. LENSKY is carrying an open album and a pen. OLGA, following him, peeks from over her fiancé's shoulder. LENSKY jots down several lines in the album.

LENSKY

(reads what he has written, not yet noticing ONEGIN, to whom OLGA has already managed a nod of welcome)

“How blest the lover who is granted
To read to her for whom he longs,
The very object of his songs,
A beauty languid and enchanted.”

ONEGIN

(with a dry laugh)

Ah, blest indeed, although it's true,
She may be dreaming . . . not of you.

LENSKY wants to shut the album, but ONEGIN, asking permission from its owner with a glance, stretches out his hand toward the notebook.

OLGA

(keeping the album in her hands for a few seconds more)

I'm sure you've known provincial misses,
Whose albums, too, you must have seen,
Where girlfriends scribble hopes and blisses,
From front and back and in-between.

ONEGIN

Defying all the rules of spelling,
Unmetered verse . . .

LENSKY

(heatedly)

By long tradition
Composed to honor friendship's bonds.

ОНЕГИН

(альбом уже у него в руках)

Уменьшены, продолжены

(листая страницы)

На первом листике встречаешь

Qu'écritez-vous sur ces tablettes?

ОЛЬГА

И подпись *toute à vous, Annette.*

ОНЕГИН

(продолжая листать, смотрит в упор на Ленского)

Тут в них рисуют сельски виды,

Надгробный камень, храм Киприды,

Или на лире голубка

Пером и красками слегка.

ЛЕНСКИЙ

(покраснел; он нервничает)

А на последнем прочитаешь:

ОЛЬГА

«Кто любит более тебя»,

ОНЕГИН

*(возвращает альбом)**«Пусть пишет далее меня».*

Смех ОЛЬГИ оборван резким движением ЛЕНСКОГО, который выхватив альбом в тот момент, когда он должен был перейти из рук ОНЕГИНА к его невесте, отходит в сторону. ОЛЬГА обижена. И когда, в то же мгновение раздается ригурнель, она согласно кивает в ответ на пригласительный поклон ОНЕГИНА. ЛЕНСКИЙ, поборов себя, оборачивается: в комнате уже никого нет. ЛЕНСКИЙ делает шаг по направлению к освещенному залу, но мимо него — в стройном ритме мазурки проносится пара: ОЛЬГА и ОНЕГИН. ЛЕНСКИЙ отступает в тень.

кадрит
риторическо-
мазурка
воен орк
(Онегин
целует
руку)

ONEGIN

(the album is already in his hands)

Lines shortened, lengthened, turned on end.

(leafing through the pages)

Page one is sure to have the line:

Qu'écirez-vous sur ces tablettes?

OLGA

And 'neath it: *toute à vous*, Annette.

ONEGIN

(continues to leaf through the album, looking pointedly at Lensky)

Here someone's sketched a rural scene,

A gravestone and a Venus Temple.

He's penned a lyre and a dove,

In color, lightly — and with love.

LENSKY

(blushes; he's beginning to get nervous)

And on the final page you'll read:

OLGA

"Who loves you more than I must sign,"

ONEGIN

(returns the album)

"And fill the page that follows mine."

*military
orchestra
(Onegin
kisses her
hand)*

OLGA's laughter is interrupted by an abrupt movement from LENSKY, who grabs the album at precisely that moment when it passes to his fiancée from ONEGIN's hands; LENSKY then moves off to the side. OLGA is insulted. And when, that exact instant, the ritornello mazurka bursts forth, she nods in acceptance of ONEGIN's invitational bow. LENSKY, controlling himself, turns around: no one remains in the room. LENSKY takes a step in the direction of the brightly-lit hall, but a pair glides by him in the harmonious rhythm of the mazurka: it is OLGA and ONEGIN. LENSKY steps back into the shadows.

клавесины
вальс (м.б.
тот, что
выше)

ЛЕНСКИЙ

Однообразны и безумны,
Как вихорь жизни молодой
Кружится вальса вихорь шумный;
Чета мелькает за четой

В это время БУЯНОВ подводит к ОНЕГИНУ ТАТЬЯНУ и ОЛЬГУ. ОНЕГИН, не колеблясь, берет руку ОЛЬГИ и исчезает в танце.

тот же
вальс у
струнных

ЛЕНСКИЙ

Возможно ль. Чуть лишь из пеленок,
Кокетка, ветреный ребенок.
Уж хитрость ведает она,
Уж изменять научена.
О боже. Буду ей спаситель.
Не потерплю, чтоб развратитель
Огнем и вздохом и похвал
Младое сердце искушал;
Чтоб червь презренный, ядовитый
Точил лилеи стебелек;
Чтобы двухутренный цветок
Увял еще полураскрытый.
Но что же. Пистолетов пара
Две пули — больше ничего.

Вальс

Мазурка замедляет темп и затухает; пары расходятся по местам; мимо двери, под руку, весело переговариваясь, проходят ОНЕГИН и ОЛЬГА.

ОЛЬГА

(Заметив за порогом полутемной комнаты ЛЕНСКОГО)

Что с вами?

ЛЕНСКИЙ

Так . . .

ОЛЬГА

(своему кавалеру утомленно)

И бесконечный котильон
Меня томит как тяжкий сон.

harpichord
waltz
(perhaps the
same as
above)

LENSKY

Monotonous and mad procession,
Young life's great whirlwind . . . full of sound,
Each pair a blur in quick succession,
The rousing waltz goes whirling round.

At this point, BUYANOV leads TATYANA and OLGA up to ONEGIN. Without hesitating, ONEGIN takes OLGA's hand and disappears in the dance.

the same
waltz
with strings

LENSKY

Can this be true? Scarce out of diapers
And turned coquette! A fickle child!
Already she has mastered guile,
Already learned to cheat and smile!
Oh God — it's up to me to save her;
I'll never let that base depraver
Corrupt her youthful heart with lies,
With honeyed words and heated sighs,
Or have that noxious worm devour
My lovely lily, stalk and blade,
Or watch this two-day blossom fade,
When it has yet to fully flower;
A pair of pistols — nothing more
Shall instantly decide the score.

The waltz slows its tempo and dies away; the couples part and return to their own places; chatting gaily, ONEGIN and OLGA pass by the door.

OLGA

(Noticing LENSKY on the threshold of the half-dark room)

What's wrong?

LENSKY

It's nothing.

OLGA

(to her escort [ONEGIN], in an exhausted voice)

This endless dance already seems
To haunt me, like a heavy dream.

ОНЕГИН ей что-то шепчет, успокаивая ее, — и пара проходит мимо. Вслед за ними, в раме двери, опираясь рукой о косяк, ТАТЬЯНА. Лицо ее полно трогательного сочувствия.

ТАТЬЯНА

Что с вами?

ЛЕНСКИЙ

Так.

22

без музыки
и без
настройку

ТАТЬЯНА исчезает. ЛЕНСКИЙ делает решительный шаг к порогу. В это время музыканты, очевидно, готовясь к новому танцу, настраивают инструменты: диссонирующие сочетания звуков. У порога ЛЕНСКИЙ сталкивается — лицом к лицу — с ОНЕГИНЫМ. Оба останавливаются и молча смотрят друг на друга. Звуки настраиваемых инструментов оборвались. Сейчас начнется новое. Звуковая и зрительная пауза.

sul
ponticello

м.б. бубен, 3
скрипки и 2
обою?

Из-за двери видно испуганное лицо ТАТЬЯНЫ, которая не знает, как быть. Но в это время из глубины зала веселый хохот, а затем и пение, свист, лай и топ. ~~Сцена~~ поверачивается градусом на 60, так что стена, отделяющая полутемную комнату от зала, направлена перпендикулярно на зрителя и ему видны и комната и зал. Гости, расступившись, дают дорогу РЯЖЕНЫМ, мужикам, пришедшим поздравить и послать барышню в день ее именин: тут и полужуравль и полукот, маска с рогатой собачьей мордой, коза-дерева и два-три пиликающих и истова бьющих в бубен деревенских музыкантов.

Все РЯЖЕНЫЕ, поклонясь сперва имениннице в пояс, начинают затем пляс и славословие.

отменить
(июля) ~~для~~
~~этих~~
~~этих~~
Татьяны оч
коротко

РЯЖЕНЫЕ

(поют)

Сам шестом, голова пестом,
Уши ножницами, руки грабельками,
Ноги вилочками, глаза дырочками

[повторить]

Onegin whispers something to her, calming her down, and a [dancing] couple passes by. Behind them, in the frame of the door, leaning her arm against the doorjamb, TATYANA. Her face is full of touching compassion.

TATYANA

What's wrong?

LENSKY

It's nothing.

no music and no tuning up [TATYANA disappears. LENSKY takes a decisive step toward the door. LENSKY on the threshold collides face-to-face with ONEGIN. Both stop and gaze at each other without speaking. Now something new will begin. The sound of instruments being tuned up suddenly breaks off. An auditory and visual pause.¹

sul ponticello
↓
perhaps tambourine, 3 violins, 2 oboes?

From behind the door we see the frightened face of TATYANA, who doesn't know what will happen. But then, from the depth of the hall, cheerful guffaws, followed by singing, whistling, barking and stamping. ~~The stage rotates 60 degrees.~~ The wall, dividing the half-volumed room from the hall, is now aligned perpendicularly to the spectator, who thus can see both the room and the hall. The guests, parting ranks, make room for the MUMMERS to pass, serfs who have come to congratulate and praise their young lady on her Nameday: here a half-crane and half-cat, a mask with a horned dog's mug, a goat, two or three village musicians strumming and maniacally banging on a tambourine.

The MUMMERS, bowing to the waist to honor the Nameday girl, launch immediately into a peasant dance and a ritual praise-chant.

cancel (July)

briefly

MUMMERS

(sing in Russian)

He's like a bean-pole, his head's a pestle,
His ears like little scissors, hands are rakes,
His legs are forks, his eyes like little holes.

[repeat]

¹ By his veto on the tuning-up of instruments, Prokofiev withdrew sound to mark a psychological boundary, a sonic equivalent to Krzhizhanovsky's spatial displacement of action upstage. — CE

Соловьиные-то глаза по верхам глядят,
Они каши хотят.
Вчера каша сварена,
Вчера съедена была.

[повторить]

Нос — от синь, это свахин сын.²

ТАТЬЯНЕ подносят бокал; ответно кланяясь и давая приложиться к ручке, она в то же время с испугом оглядывается назад, на происходящее там, за порогом темной комнаты. Бокал, выскользнув из рук, падает.

без
интерлюдии

ФРАГМЕНТ 8

Комната ТАТЬЯНЫ. Бал уже окончился. Ночи уже нет.

За окном вторые петухи. ТАТЬЯНА, утомленная событиями бала спит, лежа на канапе. В предутреннем свете можно ясно рассмотреть ее фигуру. Она лежит, не сняв белого бального платья, лицом в горячую подушку. Только легкий туфелек, соскользнувший с ноги, лежит у канапе, на полу.

В комнату входит на цыпочках НЯНЯ. Она несет ночной капотик и туфли. Завидев ТАНЮ, уснувшую в платье, не знает как быть.

ТАТЬЯНА

(сквозь сон)

Мое-мое-мое-мое . . .

(Внезапно вскакивает. В то же мгновенье призраки сна, метнувшись, исчезают под обоями и за стеклом окна.)

Мне снилось, будто . . .

1 я Тема
Татьяны
с примесью
элемента
тризма

муз
обрывает

² The lyrics that appear in the manuscript, which Prokofiev did not set to music, are from Pushkin's *Eugene Onegin*, ch. 5, VIII: 9-12, the fortune-telling refrain: "Там мужики то все богаты: / Гребут лопатой серебро; / Кому поем, тому добро (бис) / И слава" [The peasants there have hoards of treasure, / They spade up silver from a ditch! / The one we sing to will be rich / And famous!]. — CE

His nightingale eyes gaze at the grain-stalks.
 He wants some porridge,
 But the porridge was made yesterday,
 And yesterday it was eaten all up.

[repeat]

He's got a blue nose . . . It's the matchmaker's son!³

A goblet is brought up to TATYANA; at that very moment she bows in response and allows her hand to be kissed, she glances fearfully at what is happening behind her, beyond the threshold of the dark room. The goblet, slipping from her hands, falls.

FRAGMENT 8

*no interlude
 very short*

*1st theme of
 Tatyana,
 with an
 admixture of
 tragizm*

Tatyana's room. The ball is already over. It is no longer night. The second roosters are crowing. TATYANA, exhausted by the events of the ball, is asleep on the couch. In the pre-morning light, her figure can be clearly seen. She lies face-down on her hot pillow, still dressed in her white ballroom gown. Only one light slipper, having slid off her foot, lies near the couch on the floor.

The NURSE enters the room on tiptoe. She is carrying a night-cape and slippers. Catching sight of TANYA fallen asleep in her dress, she doesn't know what to do.

*music breaks
 off*

TATYANA

(in her sleep)

Mine — mine — mine — mine . . .

(Suddenly she jumps up. At that instant the dream visions, in a rage, disappear under the wallpaper and behind the pane of the window.)

I dreamt as if . . .

³ This bawdier and more frightening text—a wedding song with grotesque imagery—comes from Pushkin's own collection of folk songs gathered on or near his rural estates. The grim penultimate couplet is omitted: "The neck is gleaming bluely / As if it had been in a noose." This text is preserved in Pyotr Kireyevsky's archives of Pushkin's folksong texts. — *CE*

НЯНЯ

Господь помилуй и спаси
Чего ты хочешь, попроси . . .

*(Хочет итти, очевидно за водой, но ТАТЬЯНА
еще в полусне удерживает ее, схватив за
руку)*

ТАТЬЯНА

Мне снился чудный сон . . .

НЯНЯ

Ах, Таня.

ТАТЬЯНА

Мне снилось, няня, будто я,
Иду по снеговой поляне,
Печальной мглой окружена;
В сугробах темный и седой,
Поток, не скованный зимой;
И пред шумящею лучиной
Две жердочки склеены льдиной
Дрожащий гибельный мосток,
Положены через поток . . .
Но вдруг сугроб зашевелился . . .

НЯНЯ

И кто-ж из под него явился.

ТАТЬЯНА

Больной взъерошенный медведь
Я б ы л о а х. А он реветь,
И лапу с острыми когтями
Мне протянул; и я, скрепясь
Рукой дрожащей оперлась
И боязливými шагами
Перебралась через ручей;
Пошла — и что-ж?

НЯНЯ

(Отвечая)

Медведь за ней.

NURSE

Dear Lord have mercy, save you child!
Just tell me, dear one, what you need.

(She wants to leave, apparently to get some water, but TATYANA, still half-asleep, holds her back, clutching at her sleeve.)

TATYANA

I dreamt a wondrous dream . . .

NURSE

Oh, Tanya.

TATYANA

I dreamt I walked through snowy vales
Where mournful mists and gloom prevailed.
Amid the drifts and snowbound space
I saw a seething torrent race,
A frothing wave that churned and strained
To tear asunder winter's chains.
Two slender icy poles were thrown
Across the river's yawning gorge,
A perilous and shaky bridge.
Then suddenly a snow bank shuddered.

NURSE

And what was there beneath the snow?

TATYANA

A huge and shaggy bear appeared.
I almost screamed! He growled and reared,
Then offered me his sharp-clawed paw —
I took it with a trembling hand
And made my way across the torrent.
I somehow reached the other side,
And then I fled . . .

NURSE

(replying)

The bear pursuing.

ТАТЬЯНА

Кряхтя, валит медведь несносный;
 Пред нами лес; недвижны сосны
 В своей нахмуренной красе;
 Отягчены их ветви все
 Клоками снега; лес сквозь вершины
 Осин, берез и лип нагих
 Сияет луч светил ночных
 Дороги нет; кусты стремнины
 Метелью все занесены,
 Глубоко в снег погружены
 Упала в снег; медведь проворно
 Меня хватает и несет.
 Вдруг меж дерев шалаш убогий;
 Кругом все глушь, отсюда он
 Пустынным снегом занесен,
 И ярко светится окошко,
 И в шалаше и крик и шум:
 Медведь промолвил: . . .

НЯНЯ

(останавливая Таню, говорит знакомую формулу сказок)

. . . *Здесь мой кум;*

Погрейся у него немножко.

ТАТЬЯНА

(согласно качая головой)

Погрейся у него немножко;
 И в сени прямо он идет,
 И на порог меня кладет.
 И что же вижу . . . за столом
 Сидят чудовища кругом;
 Один в рогах с собачьей мордой,
 Другой с петушьей головой,
 Здесь ведьма с козьей бородой,
 Тут остов чопорный и гордый,
 Там карла с хвостиком, а вот
 Полу-журавль и полу-кот.
 Еще страшней, еще чуднее:
 Вот рак верхом на пауке,
 Вот череп на гусиной шее
 Вертится в красном колпаке,

TATYANA

The grunting, loathsome bear still lumbers;
 Before us now a forest slumbers.
 The pines in all their beauty frown
 And barely stir, all weighted down
 With clumps of snow; and through the summits
 Of naked linden, birch, and ash
 The beams of Heaven's lanterns flash.
 There is no path. The woods, the hills,
 The dark ravines — all lie asleep,
 By snowy blizzards buried deep.
 I sink in snow. And then the bear
 Just scoops me up and rushes on.
 Along a forest road he surges,
 And then, mid trees, a hut emerges;
 Dense brush abounds; on every hand
 Forlorn and drifting snow banks stand.
 A tiny window glitters brightly,
 And from the hut come cries and din.
 The bear proclaims: . . .

NURSE

*(stopping TANYA, begins to speak in the
 familiar formula of fairy tales)*

*“. . . My master's in,
 Come warm yourself before the hearth.”*

TATYANA

(Nodding in agreement)

Come warm yourself before the hearth.
 He pushes straightway through the door,
 Then lays me down upon the floor.
 On coming to, I look around me:
 I'm in a hall, no bear at least.
 The clink of glasses, shouts — confound me,
 As if it were a funeral feast.
 Around a table, in a ring,
 A horde of monsters shout and sing.
 Out of a dog's face horns are sprouting,
 One has a rooster's head on top,
 A goateed witch rides on a mop,
 A haughty skeleton sits pouting

Вот мельница в присядку пляшет
 И крыльями трещит и машет;
 Лай, хохот, пенье, свист и хлоп,
 Людская молвь и конский топ
 Но чтоб, подумала, ты, няня,
 Когда-б узнала меж гостей
 Того, кто . . .

музыка об
 Онег

*(прерывает рассказ, но няня гладит рукой ее
 чуть вздрагивающие плечи — ТАТЬЯНА
 продолжает, но уже совсем иным тоном)*

Онегин за столом сидит
 И в дверь украдкой глядит.
 Он знак подаст: и все хлопочут;
 Он пьет: все пьют и все кричат;
 Он засмеется: все хохочут;
 Нахмурит брови: все молчат.
 Вдруг ветер дунул, загашая
 Огонь светильников ночных:
 Смутилась шайка домовых;
 Онегин, взорами сверкая,
 Из-за стола гремя встает;
 Все встали: дверь толкнул Евгений
 И взорам адских привидений
 Явилась я, и яркий смех
 Раздался дико; очи всех,
 Копыта, хоботы кривые,
 Хвосты хохлатые, клыки . . .

НЯНЯ

Усы, кровавы языки,
 Рога и пальцы костяные,
 Все указуют на нее . . .

*(Запас образов ее иссяк. Взглядывает на
 Таню)*

ТАТЬЯНА

И все кричат: мое! Мое!
 Мое!, сказал Евгений грозно,
 И шайка вся сокрылась вдруг;
 Осталась я во тьме морозной . . .

Beside a short-tailed dwarf — and that
 Is half a crane and half a cat.
 More wondrous still and still more fearful:
 A crab upon a spider sat;
 Atop a goose a skull looked cheerful
 While spinning round in crimson hat.
 A windmill danced a rowdy jig!
 And cracked and waved its sails about.
 Guffawing, barking, whistles, claps,
 And human speech and hoofbeat taps!
 But, nanny, how would you react
 If, mid the guests, you recognized
 The one you feared and idolized,
 The very one who . . .

music about
 Onegin

*(She interrupts her story, and the NURSE
 strokes her slightly trembling shoulder.
 TATYANA continues, but already in a
 completely different tone of voice.)*

Onegin's sitting at the table.
 He glances slyly at the door.
 He gives a sign — the others hustle;
 He drinks — and all the others swill;
 He laughs — they all guffaw and bustle;
 He frowns — and all of them go still.
 A sudden gust of wind surprises
 The band of goblins, blowing out
 The nighttime lanterns all about.
 His eyes ablaze, Onegin rises
 And strikes his chair against the floor.
 All rise; he marches to the door.
 He opens wide the door, revealing
 To monstrous leers and hellish squealing
 Where I was crouched. Fierce cackles sound
 In savage glee; all eyes turn round,
 All hooves and trunks — grotesque and curving,
 All whiskers, tusks and tufted tails . . .

NURSE

Red bloody tongues and snouts and nails,
 Huge horns and bony fingers swerving —
 To point at her as all combine . . .

*(Her reserve of images dries up. She looks to
 TANYA)*

НЯНЯ

(Неодобрительно)

Младая дева с ним сам — друг.

ТАТЬЯНА

Вдруг Ольга входит, с нею Ленский;
 Спор. Громче, громче. Вдруг Евгений
 Хватает длинный нож и вмиг
 Повержен Ленский; страшно тени
 Сгустились; нестерпимый крик
 Раздался . . . Хижина шатнулась . . .
 Я-ж, няня, в ужасе проснулась . . .

подумать

*пауза и
 рожок до
 слов
 Онегина*

ФРАГМЕНТ 9

*Поляна в лесу. Сквозь проредь безлистных деревьев
 видна полтина, что у замерзшей реки, огибающей опушку и
 поднятые к небу крылья мельницы, облепленные снегом и
 мерзлыми сосульями. Ветер кружит свежины и раскачивает
 верхушки деревьев. Очевидно, начинается пурга.*

*Противники уже на местах. Ветер рвет полы сюртуков —
 шубы брошены на барьеры — погода, когда хочется скорее
 или убить, или быть убитым.*

*ЗАРЕЦКИЙ вручает пистолеты, сперва ЛЕНСКОМУ, потом
 ОНЕГИНУ.*

ОНЕГИН

Уж поздно; время улетело . . .
 К тому-ж . . . к тому же в это дело
 Вмешался старый дуэлист;
 Он зол, он сплетник, он речист . . .
 Конечно: быть должно презренье
 Ценой его забавных слов;
 Но шепот, хохотня глупцов . . .
 И вот общественное мнение
 Пружина чести, наш кумир!

TATYANA

To shout as one: "She's mine. She's mine!"
 "She's mine!" proclaimed Eugene, commanding;
 And all the monsters fled the room.
 While I was left there, barely standing,
 Alone with him in freezing gloom.

NURSE

(disapproving)

Just you, and no one else was there?

TATYANA

Then Olga suddenly appeared
 And Lensky, too. A quarrel starts,
 The heated words grow louder, quicken;
 Onegin snatches up a knife;
 Poor Lensky falls. The shadows thicken;
 A rending cry amid the strife
 Rang out. The cabin shook. I screamed
 And woke in terror . . . from my dream.

think about
 this

pause and a
 horn before
 Onegin's
 words

FRAGMENT 9

A clearing in a forest. Through a thin spread of leafless trees, a dam is visible near a frozen river that skirts the edge of the forest; the wings of a windmill are lifted to the sky, plastered with snow and frozen icicles. The wind whips around clods of snow and sways the tops of the trees. Evidently a blizzard is starting up.

The opponents are already at their places. The wind rips at the edges of the frock-coats and fur overcoats thrown down on the barrier — the sort of weather when one wants either to kill, or be killed, as soon as possible.

ZARETSKY hands out the pistols, first to LENSKY, then to ONEGIN.

ONEGIN

Too late. No time to put it right . . .
 And now that dueling fox has tasted
 His chance to mix in this affair,
 That wicked gossip with his flair

ЗАРЕЦКИЙ

Теперь сходитесь.

Противники делают каждый по четыре шага навстречу друг другу. ОНЕГИН поднимает пистолет. Еще до пяти шагов. Теперь ЛЕНСКИЙ, жмуря левый глаз, начинает целить. ОНЕГИН стреляет.

ЛЕНСКИЙ, молча роняя пистолет, падает на землю. ЗАРЕЦКИЙ и ОНЕГИН наклоняются над павшим.

ОНЕГИН

Ну что-ж?

ЗАРЕЦКИЙ

Убит.

ОНЕГИН

Убит?

(Отходит в сторону.)

По знаку ЗАРЕЦКОГО, появляются КУПЕР и СЛУГА. С его помощью они уносят труп. Вслед за ними и ГИЛЬО. ОНЕГИН остается один.

*мало музыки
больше
иллюст*

ОНЕГИН

Тому назад одно мгновенье
В сем сердце билось вдохновенье
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипела кровь:
Теперь, как в доме опустелом,
Все в нем и тихо и темно;
Замолкло навсегда оно.
Закрыты ставни, окна мелом
Забелены. Хозяйки нет.
А где, бог весть. Пропал и след.

Ветер все сильнее и сильнее раскачивает стволы деревьев. И в пространстве и в музыке нарастает симфония метели.

For gibes. He's worth contempt, I know,
 But fools will whisper, grin, and crow;
 So there it is: the mob's opinion,
 The spring with which our honor's wound,
 The god that makes this world go round.

ZARETSKY

Begin your paces!

The opponents each take four steps toward each other. ONEGIN raises his pistol. He holds it there until the fifth step. Then LENSKY, screwing up his left eye, begins to aim. ONEGIN fires.

LENSKY, silently lowering his pistol, falls to the ground. ZARETSKY and ONEGIN bend over the fallen man.

ONEGIN

What, then?

ZARETSKY

He's dead.

ONEGIN

He's dead?

ONEGIN walks off to the side. At a sign from ZARETSKY, the COACHMAN and SERVANT appear. With his help, they carry away the corpse. GUILLOT follows after them. ONEGIN remains alone.

*little music,
 more
 illustration*

ONEGIN

One moment back — and he still breathed,
 His heart with inspiration seethed;
 Its hatreds, hopes, and loves . . . still beat;
 Its blood still pulsed with living heat.
 But now, as in a house deserted,
 Within it — all lies hushed and dark,
 Gone silent and forever stark.
 The window boards have been inserted,
 The panes chalked white. The owner's fled;
 Where to, god knows. No trace is left.

The wind sways the trunks of the trees ever more strongly. Both in the [stage] space and in the music, the symphony of the snowstorm grows.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ФРАГМЕНТ 10

Знакомая нам комната в деревенском доме ОНЕГИНА. Но она повернула к зрителю под другим углом, так что дверь, которая была в глубине и вела наружу, сейчас оказалась сбоку, дверь же, раскрытая в соседнюю комнату, показывает ее в перспективе. Дом заброшен. Хозяина нет. Это видно по застывшему беспорядку. И по пыли, серой пеленой покрывающей вещи. Посредине знакомая уже нашему глазу качалка. Она неподвижна. За дверью, ведущей в перегораживающего дорогу. На столе среди опрокинутых банок и пустых флаконов две-три книги; одна из них раскрыта и лежит корешком кверху.

без музыки?

Сперва дом молчит. Даже стенные часы, истратив свой завод, замолчали и свесили свой маятник книзу.

Вслед за паузой, где-то издалека за стенами дома слышны детские голоса и смех, потом чуть ближе голос ТАТЬЯНЫ, а там уже совсем близко звяканье связки ключей.

ГОЛОС ТАТЬЯНЫ

Увидеть барский дом нельзя-ли?

Звук открываемых дверей — сперва одних, потом других. На пороге ТАТЬЯНА. Она в тулупчике; на руках варежки. Следом за ней старуха-сторожиха АНИСЬЯ, прогоняющая тычущих в дверь свои головы детишек.

ТАТЬЯНА, став посреди комнаты, неторопливо оглядывает ее. Навстречу ее взгляду слепые, занесенные снегом окна.

ТАТЬЯНА

Меня сомнения смущают
 Пойду-ль вперед, пойду-ль назад,
 Его здесь нет. Меня не знают . . .
 Взгляну на дом, на этот сад . . .

Скользнула пальцами по корешку книги. Пока ее не раскрывая. Подошла к порогу следующий комнаты. Отодвинула кий, преграждающий дорогу. На несколько секунд исчезла за дверью. Пользуясь этим, ДЕТИШКИ прорвались в комнату и смотрят на посетительницу по птичьим раскрыв рты.

PART THREE**FRAGMENT 10***no music?*

Familiar room in Onegin's rural house. But it faces the spectator from another angle, so that the door, which earlier was deep in the interior and led to the outside, is now shown from the side, and this door, opened to the neighboring room, shows the room in perspective. The house is abandoned. The owner is gone. This is apparent from the already frozen state of disorder and from the dust that covers things with a gray shroud. In the middle of the stage the rocking chair, already familiar to our eye. It is motionless. Behind the door leading to the neighboring room, the end of a billiard cue juts out, blocking the way. On the table, among overturned jars and empty flasks, there are two or three books; one of them is open and lies spine-upward.

At first the house is silent. Even the wall clock, which has lost its ticking mechanism, has fallen silent and its pendulum hangs down motionless.

After a pause, somewhere in the distance beyond the walls of the house, children's voices and laughter are heard. Then, somewhat closer, the voice of TATYANA; and then completely close by, the jangling of a bunch of keys.

TATYANA'S VOICE

I'd like to see the master's house . . .

The sound of opening doors — first one, then others. On the threshold, TATYANA. She is wearing a fur cape; on her hands, mittens. Behind her is the old caretaker, ANISYA, who shoos away the children poking their heads in through the door. TATYANA, now standing in the middle of the room, looks around her unhurriedly. Meeting her gaze are the blind windows, piled up with snow.

TATYANA

I'm hesitant and full of doubt:
Should I go on . . . should I go back?
He isn't here . . . and no one knows me . . .
I'll have a peek at park and house.

She runs her fingers over the spine of the book. For the moment she doesn't open it up. Walks up to the threshold of the

ТАТЬЯНА снова на пороге, отделяющим внутреннюю комнату от наружной.

АНИСЬЯ

Вот камин;
Здесь барин сиживал один.
Здесь с ним обеживал зимою
Покойный Ленский, наш сосед.
Сюда пожалуйте, за мною.
Вот это барский кабинет;
Здесь почивал он, кофей кушал,
Приказчика доклады слушал
И книжку поутру читал . . .
И старый барин здесь живал;
Со мной, бывало, в воскресенье,
Здесь под окном, надев очки,
Играть изволил в дурачки:
Дай бог душе его спасенье,
А косточкам его покой.
В могиле, в мать-земле сырой.

*Татьяна
1-я тема
(1 мин)*

Ключница уходит, уводя детей. ТАТЬЯНА одна. Она еще раз обходит кругом. На стене, под сеткой, защищающей от мух, портрет Байрона. Всматривается в него. На столе, рядом с чернильницей поясной бюст Наполеона, скрестившего свои чугунные руки. ТАТЬЯНА садится в кресло к столу. Задумывается. Издалека слабый и дрожащий звон с деревенской колокольни. Вероятно, кого-нибудь хоронят. Подошла к окну и чертит на морозных его узорах: Е и О. Изредка потрескивает разошедшийся пол. ТАТЬЯНА, вернувшись к столу, чуть наклонилась к корешку книги, лежащей перед ней, распластав свои страницы. Читает.

ТАТЬЯНА

Певец Гаура и Жуана

(Переворачивает книгу текстом вверх. Читает раскрытую страницу)

«Я сдержан — но чувствителен к обидам;
Я скромн — но себе я знаю вес,
Я переменчив — но и “*semper idem*”

neighboring room. Moves aside the billiard cue obstructing the path. For several seconds she disappears behind the door. Taking advantage of this moment, the CHILDREN burst into the room and gaze at the visitor with mouths agape, like little birds.

TATYANA again stands on the threshold separating the inner from the outer room.

ANISYA

And here's his chair, beside the hearth,
Where master used to sit alone;
In wintertime, our neighbor Lensky —
Departed now — would dine with him.
Now follow me, my dear, this way:
And here the master had his study;
It's where he slept and drank his coffee,
Would hear the bailiff give reports
And mornings used to read his books.
My former master lived here, too;
On Sundays, with his glasses on,
He'd deign to play some cards with me.
God grant his mortal soul salvation,
And may his dear old bones be blest
In mother earth, where he's at rest.

*1st theme of
Tatyana
(1 min.)*

The old CARETAKER exits, ushering out the children. TATYANA is alone. Once more she does the rounds of the place. On the wall, under a net protecting it from flies, is a portrait of Byron. She examines it carefully. On the table, alongside an inkwell, a waist-high bust of Napoleon, his cast-iron arms crossed. TATYANA sits down in the armchair at the table. Falls into thought. In the distance, the weak and trembling ringing of a church bell. Probably somebody is being buried. Goes up to the window and outlines on its frosty patterns: E and O. Now and then the dried-out floor crackles. TATYANA, returning to the table, bends slightly over the spine of the book in front of her, separating its pages. Reads.

TATYANA

The Bard of Juan and the Giaour

(Turns the book over so the text is face-up. She reads from an open page)

"Temperate I am — yet never had a temper;

Я терпелив — но терпелив в обрез.
 Должно быть, у меня — на то похоже —
 Под внешней кожей две-три скрытых кожи».

Положив книгу в точь в точь так, как она лежала, проводит концами пальцев по пустым флаконам, выстроившимся в ряд точно по немой клавиатуре. Перебирает и перелистывает книги.

Здесь на полях . . . вот . . . взгляд встречает
 Черты его карандаша.
 Везде Онегина душа
 Себя невольно выражает,
 То кратким словом, то крестом,
 То вопросительным крючком.
 «. . . там, где под туманными
 И короткими днями рождается племя,
 Которому не больно умирать». Петрарка.

*Отложила книгу. Поднялась. Подошла к камину.
 Поворошила щипцами седые угли. Отброшенные каминные щипцы резко звякнули о решетку. Подошла к бюсту Наполеона. Вдруг настроение ТАТЬЯНЫ резко*
переменилось, сделав озорную гримасу чугунному человечку в треуголке, с руками накрест, сама, передразнивая позу величия, скрестила руки на груди, выпятила губу и наклонила а-ля Наполеон.

м.б. просто
 тремоло?

до слов

Теперь на лице ее нельзя отыскать ни печали, ни шутки: оно попросту утомлено; меж сжатых бровей какая-то новая мысль. Медленно и отдельно:

Чудак печальный и опасный,
 Созданье ада иль небес,
 Сей ангел, сей надменный бес,
 Что ж он? Ужели подражанье,
 Ничтожный призрак, иль еще
 Москвич в гарольдовом плаще,
 Чужих причуд истолкованье,
 Слов модных полный лексикон? . . .
 Уж не пародия ли он?
 Ужель загадку разрешила?
 Ужели слово найдено?
 Пора, часы бегут, я позабыла,
 Что дома ждут меня давно.

кк на
 преддц
 стрнице
 30 сек.

Modest I am — yet with some slight assurance;
 Changeable too — yet somehow ‘Idem semper’
 Patient — but not enamoured of endurance [. . .]
 So that I almost think that the same skin
 For one without — has two or three within.”⁴

Replacing the book precisely in the same position as before, she runs the tips of her fingers across the empty flasks, having arranged them like a mute keyboard. Fingers the books and leafs through them.

Here in the margins I can see
 The fleeting marks his pencil made;
 And on these pages everywhere
 I see Onegin’s soul reflected:
 In crosses or a jotted note,
 Or where he put a question mark.
*“There, where the days
 Are cloudy and brief,
 A race was born,
 That did not mourn to die.”—Petrarch*

maybe
 just a
 tremolo?

She lays aside the book. Gets up. Goes up to the fireplace. Stirs the grey coals with the tongs. The cast-off fireplace tongs ring sharply against the grate. Goes up to the bust of Napoleon. Suddenly TATYANA’s mood changes sharply, she makes a naughty grimace at the little cast-iron man in the three-cornered hat, with his arms crossed on his chest. Mimicking a pose of greatness, she crosses her arms on her own chest, sticks out her lower lip, and gives a bow à la Napoleon.

before the
 words

Neither sadness nor joking can now be found on her face: it is simply exhausted; between her knitted brows, some sort of new thought. Slowly and clearly articulated.

A dangerous and sad eccentric,
 A work of Heaven or of Hell,

⁴ The text Tatyana reads is from the end of Byron’s *Don Juan*, Canto XVII, stanza 11, lines 1-4 and 6-8. In her memoirs, “Glazami druga” (published in *Velikoe kul’turnoe protivostoyanie. Kniga ob Anne Gavrillovne Bovshek*, Moscow, NLO, 2009, p. 25), Krzhizhanovsky’s wife Anna Bovshek attributes these lines to her husband and assumes they were autobiographical. — CE

Направляется было к двери, но затем, вспомнив что-то, быстрыми шагами к окну. Сняв с руки варежки, стирает с замерзшего стекла начерченные ею знаки: может быть, это «О.Е.». Мерзлые буквы не поддаются. ТАТЬЯНА дышит на стекло и снова рукавицей по его поверхности. Образуется просвет, сквозь который врывается зимнее солнце. ТАТЬЯНА, прислонив руку ко лбу, вглядывается в законный пейзаж. Слышен говор детских голосов и начало песенки детской.

намек на детскую песенку

Неизвестно будет ли (во всяк случ без музк)

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.

Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно . . .

За окном детский смех и повтор одного из куплетов песенки. ТАТЬЯНА слушает, отойдя от окна и прислонясь к притолке двери. Потом:

Тема рожка но м.б. не оное

Простите мирные долины,
И вы, знакомых гор, вершины,
И вы, знакомые леса!
Прости, небесная краса,
Прости, веселая природа!
Меняю милый, тихий свет
На шум блистательных сует. .
Прости ж и ты, моя свобода!
Куда, зачем стремлюся я?
Что мне сулит судьба моя?

Кончить музкой

(Направляется к выходу)

А Н Т Р А К Т

Is he an angel or a demon?
 Or something else? An imitation?
 An empty phantom or a joke,
 A Muscovite in Harold's cloak,
 A glossary of affectation,
 A lexicon of modish words?
 Perhaps he's just a parody.
 Can I have solved this daunting riddle,
 Can I have found the final word?
 But now it's late and I must go,
 They've long expected me at home.

as on the
 previous
 page
 30 seconds

On the verge of starting off toward the door, she remembers something, walks with quick steps to the window. Taking off her mittens, she tries to rub from the frost-encrusted pane of glass the marks she had etched there: perhaps "O. E." The frozen letters won't give way. TATYANA breathes on the pane and again rubs its surface with her mitten. A thinned-out patch of light appears, through which the winter sun breaks through. TATYANA, pressing her hand to her forehead, gazes out at the landscape beyond the window frame. The sound of children's voices is heard and the beginning of a children's song.

hint of a
 children's
 song

unknown if
 we'll use this
 (but in any
 case without
 music)

Ah, wintertime! The peasant, festive,
 Creates a passage with his sleigh;
 Sensing the snow, his horse is restive,
 And canters briskly down the way.
 A bold *kibitka* skips and burrows
 And plows a trail of fluffy furrows;
 The coachman sits behind the dash
 In sheepskin coat and scarlet sash.
 A peasant lad is outside sleighing,
 His dog is seated on the sled,
 While he plays horse and runs ahead.
 The rascal froze his fingers playing
 And laughs out loud between his howls,
 While at the window mother scowls.

Outside the window, children's laughter and the repetition of one of the couplets of the song. TATYANA listens, moves away from the window, and leans up against the lintel of the door. Then:

ФРАГМЕНТ 11

музыка
позднее:
когда будут
колокола

Из темноты сценического куба только сверху — чуть ли не из под колосников — предутренние звезды. Перезвон московских сорока сороков. От профундного баса Ивана Великого до хлипких дискантов призаставных церквушек. Сквозь колокольный звон еле протискивается встряхиваемое ухабами теньканье ямского колокольчика. Кибитка, невидимая кибитка, мчащаяся сквозь ночь все ближе и ближе.

Придвигается день. Постепенно делаются различимыми контуры церковных шатров и очертание колончатого дома с мезонином. Затем, обрывая ночь и перезвон, вдруг ярким светом загорается комната наверху дома, в мезонине. У стены на диване старуха КНЯЖНА. Она обложена подушками. Худые вдавленные щеки обвязаны платком. У дверей, на табурете, старый слуга КАЛМЫК; он в изорванном кафтане, в очках, съехавших на нос, с чулком в руке.

К дивану придвинут круглый столик. На нем и медикаменты, и две чашки кофе, которыми КНЯЖНА угощает своих гостей, почтительно присевших в кресла, тоже поставленные около ложа больной. Гости эти: ВЯЗЕМСКИЙ и ГЕНЕРАЛ.

ВЯЗЕМСКИЙ

(откладывая рукопись)

Гоненье на Москву! что значит видеть свет!
Где ж лучше?

КНЯЖНА
«Где нас нет».

ГЕНЕРАЛ
Москва, России дочь любима,
Где равную тебе сыскать?

КНЯЖНА
Как не любить родной Москвы.

ГЕНЕРАЛ
Младые грации Москвы . . .

*Theme of the
horn but
perhaps not
the oboe*

Farewell, my meadows, gentle rills,
Farewell, you too, beloved hills,
And woodlands where I used to roam;
Farewell, familiar beauty's home.
Farewell, fond nature . . . where I flourished!
I leave your world of quiet joys
For empty glitter, fuss and noise.
Farewell, my freedom, deeply cherished!
Oh, where and why do I now flee?
And what does Fate prepare for me?

*End with
music*

(She moves toward the exit)

ENTR'ACTE

FRAGMENT 11

*music
later,
when
the bells
start*

Out of the darkness of the scenic cube, only at the top — just barely below the theatrical flies — pre-dawn stars. The ringing of Moscow's forty-times-forty [churches]. From the deepest bass of [the Belltower of] Ivan the Great to the fragile descants of the bells mounted on the tiny gate-tower churches. Barely making itself heard through all this bell-ringing is the jangling of a coachman's bell, rattled by potholes. A carriage, an invisible carriage, is racing through the night, coming closer and closer.

Day begins. Gradually various shapes can be distinguished: the contours of hipped [sloping] church roofs and the outline of a columned house with a mezzanine. Then, breaking into the night and the ringing of bells, a room at the top of the house, in the mezzanine, blazes forth suddenly with a bright light. Near the wall on a couch, the old PRINCESS. She is ensconced in pillows. Her thin, sunken cheeks are wrapped in a kerchief. Near the door, on a stool, an old servant, a KALMYK; he is dressed in a torn caftan, wears glasses that have slipped down on his nose, and has a stocking in his hand.

A little round table has been pushed up against the couch. On it are medicines and two cups of coffee, which the PRINCESS is serving her guests, who have politely seated themselves in two armchairs, also placed near the sick woman's bed. These guests are VYAZEMSKY and the GENERAL.

ВЯЗЕМСКИЙ

У ночи много звезд прелестных,
 Красавиц много и в Москве,
 Но ярче всех подруг небесных
 Луна в воздушной синеве.
 Но та, которую . . .

Речь его прерывает сильный стук в дверь. КАЛМЫК открывает. В комнату вваливаются ЛАРИНА, ПРИЖИВАЛКА. Вслед за ними робка входит ТАТЬЯНА. Она, как и ее спутницы, замотана в шубы поверх шуб, головка ее покрыта двойным меховым капюшоном. Вслед за ними морозный пар. Вслед за паром двое слуг, нагруженных баулами, вализами, сундуками и птичьими клетками. КНЯЖНА с радостным криком привстала на своем одре. Ее московские гости, ВЯЗЕМСКИЙ и ГЕНЕРАЛ, поднявшись со своих мест, отошли в сторону, чуть-чуть насмешливо разглядывая провинциалов.

ЛАРИНА

Княжна . . . . .

КНЯЖНА

. . . . .

ЛАРИНА

Алина!

КНЯЖНА

Кто-б мог подумать!

ЛАРИНА

Как давно.

КНЯЖНА

На долго-ль?

ЛАРИНА

Милая.

КНЯЖНА

Кузина.

Садись, как это мудрено.

VYAZEMSKY

There's such a rush to get to Moscow!
To see the world! But where's it better?

PRINCESS

Where we are not.

GENERAL

Ah, Moscow, Russia's favorite daughter.
Where is your equal to be found?

PRINCESS

One has to love our native Moscow!

GENERAL

And all of Moscow's youthful Graces . . .

VYAZEMSKY

The night has countless stars to light her,
And Moscow countless beauties, too,
And yet the regal moon shines brighter
Than all her friends in heaven's blue;
But she, whose beauty . . .

His speech is interrupted by a vigorous knock on the door. The KALMYK opens it. Into the room tumble Mme. LARINA, the HANGER-ON. Behind them, timidly, TATYANA enters. Like her traveling companions she is wrapped up in furs on furs. Above the coat, her little head is covered with a double fur hood. Frosty air enters after them. Following the air, two servants, loaded down with valises, trunks, and birdcages. The PRINCESS, with a delighted shout, rises up in her bower. Her Moscow guests, VYAZEMSKY and the GENERAL, having risen from their places, move off to the side, glancing somewhat bemused at the provincials.

DAME LARINA

Princesse, mon ange!

PRINCESS

Pachette!

DAME LARINA

Alina!

ГЕНЕРАЛ

(тихо ВЯЗЕМСКОМУ. чуть пожав эполетами)

Ей-богу, сцена из романа . . .

ЛАРИНА

А это дочь моя, Татьяна.

ТАТЬЯНА хочет бросится к тетки, не снимая своих шуб. Но та закашлялась. *КАЛМЫК*, сделав предостерегающий жест, вместе с *СЛУГОЙ* Лариных снимают с Татьяны пару зимних одежд. По мере того, как из под шубы, тулупа и тулупчика начинает обрисовываться сперва приблизительный, а затем и точный контур стройной фигуры девушки, а из под откинутого капора и размотанной шали появляется ее тонкое личико, *ГЕНЕРАЛ* и отчасти *ВЯЗЕМСКИЙ* сменяют иронический взгляд на восхищения. *ГЕНЕРАЛ* даже чуть прикрутил ус и одернул мундир.

КНЯЖНА

(растроганно)

Ах Таня. Подойди ко мне —
Как будто брежу я во сне.

ГЕНЕРАЛ

(на ухо ВЯЗЕМСКОМУ)

Как будто брежу я во сне.

КНЯЖНА

Кузина, помнишь Грандисона?
Как Грандисон? . . . а, Грандисон!

ПРИЖИВАЛКА

(проверяя внесенную кладь)

Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенье в банках, тюфяки.

ЛАРИНА

(полузакрыв глаза)

Да, помню, помню. Где же он?

КНЯЖНА

В Москве, живет у Симеона.

PRINCESS

Who would have thought?

DAME LARINA

How long it's been!

PRINCESS

You'll stay, of course.

DAME LARINA

My dear!

PRINCESS

Cousina!

But come, sit down . . . How strange it is.

GENERAL

(quietly to VYAZEMSKY, slightly shrugging his epaulettes)

My god — a scene from someone's novel . . .

DAME LARINA

And here's my older daughter, Tanya.

TATYANA wants to throw herself into her aunt's arms, without taking off her fur coats. But the old woman starts to cough. The KALMYK, with a preemptive gesture, takes the two winter coats off TATYANA, together with the SERVANT. Slowly, at first only approximately and then ever more precisely, the slender contour of a girl begins to take shape from under the fur coat, rabbit-skin coat and jacket, and from under the thrown-back hood and unwound shawl a delicate little face appears. As this process unfolds, the ironic gaze of the GENERAL and to some extent of VYAZEMSKY changes to a gaze of enchantment. The GENERAL even twirls his moustache slightly and tugs down his uniform to straighten it.

PRINCESS

(deeply touched)

Ah, Tanya, sweet, come over here.

I think I must be dreaming, dear.

ПРИЖИВАЛКА

Горшки, тазы . . .

ЛАРИНА

(обрывая)

.....

КАЛМЫК

Ну, много всякого добра.

КНЯЖНА

Меня в сочельник навестил

Недавно сына он женил.

*Из внутренних дверей вбегают еще две пожилых
РОДСТВЕННИЦЫ. Объятия и восклицания.*

ПЕРВАЯ РОДСТВЕННИЦА

Как Таня выросла. Давно ль . . .

ВТОРАЯ РОДСТВЕННИЦА

Как Таня выросла.

ПЕРВАЯ РОДСТВЕННИЦА

Давно-ль

Я кажется тебя крестила?

ВТОРАЯ РОДСТВЕННИЦА

А я так за уши драла!

ПЕРВАЯ РОДСТВЕННИЦА

А я так на руки брала!

КНЯЖНА

(привлекая к себе Таню)

А я так пряником кормила!

ВСЕ СТАРУХИ

(вместе)

Как наши годы то летят!

ВЯЗЕМСКИЙ

(тихо генералу)

Но в них не видно перемены;

Все в них на старый образец.

GENERAL

(into VYAZEMSKY's ear)

I think I must be dreaming, too.

PRINCESS

Cousine, do you remember Grandison?

DAME LARINA

What Grandison? I never knew . . .

Oh, Grandison! Of course I do.

HANGER-ON

(*doing inventory on the household equipment
they brought with them*)

They've brought an awful lot of stuff:
The mattresses, the trunks and chairs,
Then jars of jam and kitchen wares.

DAME LARINA

I *do* remember Grandison.

Where is he now?

PRINCESS

Why, here in Moscow,
He lives nearby St. Simeon's.

HANGER-ON

More pots and basins, frying pans.

KALMYK

They've brought all sorts of household goods.

PRINCESS

On Christmas Eve he paid a call,
He married off his son this fall.

*Two elderly FEMALE RELATIVES run in from the interior
doors. Embraces and exclamations.*

FIRST RELATIVE

How Tanya's grown! I can't believe . . .

SECOND RELATIVE

How Tanya's grown!

ПЕРВАЯ РОДСТВЕННИЦА

У тетушки княжны Елены
Все тот же тюлевый чепец.

ВТОРАЯ РОДСТВЕННИЦА

Все белится Лукерья Львовна,
Все тоже лжет Любовь Петровна,
Иван Петрович также глуп.
Семен Петрович также скуп.

КНЯЖНА

*(пытаясь остановить поток слов ВТОРОЙ
РОДСТВЕННИЦЫ)*

У Пелагеи Николавны
Все тот же друг мосье Финмуш . . .

ВЯЗЕМСКИЙ

(подходя ближе и ведя за руку ГЕНЕРАЛА)

О он, все клуба член исправный . . .

ЛАРИНА

И тот же шпиц, и тот же муж?

КНЯЖНА

(вздохнув)

И тот же шпиц, и тот же муж.

ПЕРВАЯ РОДСТВЕННИЦА

Все так же смирен, также глух.

ВТОРАЯ РОДСТВЕННИЦА

И также ест и пьет за двух.

ЛАРИНА

А тот . . . Но

КНЯЖНА

После все расскажем.

Неправда-ль. Всей ее родне
Мы Таню завтра же покажем.
Жаль, разъезжать нет мочи мне.
Но вы замучены с дороги;
Ох, силы нет . . . устала грудь . . .

FIRST RELATIVE

I can't believe
How long ago I had you baptized.

SECOND RELATIVE

And how I pulled you by the ears!

FIRST RELATIVE

(drawing TANYA to her)
I used to hold you when you cried!

PRINCESS

I used to give you gingerbread!

ALL THE LADIES

Good gracious, how the years do fly!

VYAZEMSKY

(quietly, to the GENERAL)
In *them* though, nothing ever changes;
The same old patterns still prevail.

FIRST RELATIVE

Old Aunt Elena still takes snuff,
Still wears that same old satin bonnet.

SECOND RELATIVE

Lukerya Lvovna still wears powder,
Lyubov Petrovna still tells lies,
Ivan Petrovich — no more bright,
Semyon Petrovich — just as tight.

PRINCESS

*(Trying to stop the flow of words from the
SECOND RELATIVE)*
And Pelageya Nikolavna
Still has her friend, Monsieur Finmouche . . .

VYAZEMSKY

That model member of the Club.

DAME LARINA

The same old pooch and same old spouse?

ВЯЗЕМСКИЙ

(осторожно подступая)

У нас теперь дороги плохи,
Мосты забытые гниют . . .

ЛАРИНА

(подхватывая)

На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают.

ВЯЗЕМСКИЙ

Когда благому просвещенью
Отдвинем более границ,
Со временем (по расчисленью
Философических таблиц,
Лет чрез пятьсот) дороги верно
У нас изменятся безмерно.

(ВСЕ от ТАТЬЯНЫ до КАЛМЫКА слушают как сказку)

Шоссе Россию здесь и тут
Соединив, пересекут,
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды.

ГЕНЕРАЛ

А заведет крещенный мир
На каждой станции трактир.

ПЕРВАЯ РОДСТВЕННИЦА

(наклонившись к левому уху Тани)

Взгляни налево поскорей.

ВТОРАЯ РОДСТВЕННИЦА

(в другое ухо)

Взгляни налево поскорей.

ТАТЬЯНА

Налево.? Где? Что так такое?

PRINCESS

(Sighing)

The same old pooch and same old spouse.

FIRST RELATIVE

Who's just as meek and deaf, it's true . . .

SECOND RELATIVE

And still consumes enough for two.

DAME LARINA

The other . . .

PRINCESS

But we'll talk tomorrow.

And straightway, too, to all her kin
We'll show your Tanya. What a sorrow
That paying visits does me in . . .
But you're exhausted from your journey,
And I've no strength . . . it's hard to breathe.

VYAZEMSKY

(cautiously approaching her)

Our roads today are truly bad;
Neglected bridges rot and fall.

DAME LARINA

Bedbugs and fleas at every station
Won't let the traveler sleep at all.

VYAZEMSKY

When we have broadened education,
The time will come, without a doubt,
(By scientific calculation
Within five hundred years about)
When our old roads' decayed condition
Will change beyond all recognition.

*(Everyone from TATYANA to the KALMYK
listens, as if to a fairy-tale)*

Paved highways, linking every side
Will cross our Russia far and wide;
Above our waters iron bridges
Will stride in broadly arching sweep;

ПЕРВАЯ РОДСТВЕННИЦА

Вот отошел . . . вот боком стал . . .

ТАТЬЯНА

(испуганно)

Кто? Толстый этот генерал?

КНЯЖНА

Но вы замучены с дороги;
Едва, едва таскаю ноги.
Под старость жизнь такая гадость . . .

ГЕНЕРАЛ

(вздыхнув)

Мечты, мечты. Где ваша сладость?

ВЯЗЕМСКИЙ

(язвительно)

И вечная к ней рифма младость.

КНЯЖНА привстала, ее поддерживают ВЯЗЕМСКИЙ и ГЕНЕРАЛ, одна рука ее на головке ТАТЬЯНЫ, позади следуют РОДСТВЕННИЦЫ, ЛАРИНА и СЛУГИ. Кортиж не то венчального, не то погребального типа.

КНЯЖНА

Ох, силы нет . . . устала грудь . . .
Пойдемте вместе отдохнуть.

Шествие медленно направляется к двери, Раскрытые створки которой поддерживает СЛУГА-КАЛМЫК).

ФРАГМЕНТ 12

Бал в великосветском петербургском салоне. Все залито ярким светом. Мужчины во фраках и в парадных мундирах. Дамы в вечерних туалетах. Танцы еще не начинались. Кого-то ждут. Собираются гости, распределяющиеся по группам. Слева у авансены группа светских молодых людей, справа, пожилой СЕРДИТЫЙ ГОСПОДИН, окруженный, главный образом дамами. Лакеи разносят фрукты и прохладительные напитки.

Шикари
увертюра
2 м.

We'll dig bold tunnels 'neath the deep
And even part whole mountain ridges;

GENERAL

And Christendom will institute
A pub at every stage *en route*.

FIRST RELATIVE

(bending over Tanya's left ear)

Look quickly to your left, my dear.

SECOND RELATIVE

Look quickly, Tanya, to your left.

TATYANA

My left? But why? What's there to see?.

FIRST RELATIVE

He just moved off . . . He's turning round.

TATYANA

(Frightened)

That fat old general, do you mean?

PRINCESS

But here your trip has left you haggard.
I drag about like some poor laggard.
When one gets old, life turns oppressive . . .

GENERAL

(sighing)

O dreams! O dreams! Where have you vanished?

VYAZEMSKY

(venomously)

So take the rhyme! Where's youth been banished?

PRINCESS gets up, supported by VYAZEMSKY and the GENERAL, one hand resting on TATYANA's head; the FEMALE RELATIVES, LARINA, and the SERVANTS follow her: the cortege partly recalls a wedding, partly a funeral.

PRINCESS

I've got no strength . . . this weary breast . . .
Let's all go have a nice long rest.

*пятрен
последних
8 – 16 ткта,
но теперь
pp
струнные*

ДРЯХЛЫЙ САНОВНИК

*(он тут на ухо, и потому СЕРДИТОМУ
ГОСПОДИНУ, который продолжает с ним
спор, приходится почти кричать)*

Пишите оды, господа,
Как их писали в мощны годы,
Как было встарь заведено . . .

СЕРДИТЫЙ ГОСПОДИН

Одни торжественные оды?
И, полно, друг, не все ль равно?

ДРЯХЛЫЙ САНОВНИК

Но все в элегии ничтожно;
Пустая цель ее жалка;
Меж тем цель оды . . .

СЕРДИТЫЙ ГОСПОДИН

Тут было можно

Поспорить нам, но я молчу:
Два века ссорить не хочу.

*В глубине зала пожилой уже гость; у него тучное, но
короткое туловище на длинных и тонких ногах; подпирается
палкой; голова, повязанная белым бантом глубоко вросла в
плечи. При виде его группа архивных юношей оживляется.*

1-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Угрюмых тройка есть певцов.

2-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Шихматов.

3-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Шаховской

1-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Шишков.

2-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Уму есть тройка супостатов —

3-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Шишков наш.

The procession slowly moves toward the door, whose two opened panels are supported by the SERVANT-KALMYK.

FRAGMENT 12

*ostentatious
overture
2 min.*

Ball in a Petersburg salon. Everything is bathed in bright light. Men are dressed in frock-coats and military-dress uniforms. Ladies are in full evening wear. The dances haven't started. They're waiting for someone. Guests gather, dividing into groups. To the left, avant-scene, a group of worldly young men; to the right, an elderly ANGRY GENTLEMAN, surrounded mostly by ladies. Lackeys serve fruit and cold drinks.

DECREPIT DIGNITARY

(He's hard of hearing, so the ANGRY GENT arguing with him almost has to shout)

*repeat the
last 8 – 16
bars, but
now pp
strings*

Write odes, good sirs, write odes, I say,
The way they did in former times,
As in those mighty days of yore . . .

ANGRY GENT

Just solemn odes . . . and nothing more?
Oh come now, friend, it's all the same.

DECREPIT DIGNITARY

Your elegies have petty aims,
Their want of purpose is absurd,
Whereas the Ode . . .

ANGRY GENT

One might object,
But I'll be mute; I don't propose
To bring two centuries to blows.

In the depth of the hall, an elderly guest appears; he has a stout but short torso on long, thin legs; he props himself up with a stick; his head, wrapped in a white bow, has grown deeply into his shoulders. Seeing him, the archival youths perk up.

1st YOUNG MAN

A troika of our gloomy singers . . . ⁵

⁵ The “archival youths,” whom Pushkin notes in *Eugene Onegin*, ch. 7, XLIX: 1-8, are given his early ditty “Угрюмых тройка есть певцов” (1815) to enact, which satirizes the linguistic conservatives. — CE

1-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
Шаховской.

2-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
Шихматов.

3-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
Но кто глупей из тройки злой?

1-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
Шишков.

2-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
Шихматов.

3-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
Шаховской.

ГОСТЬ, злобно оглядываясь на архивников, проходит мимо, стуча палкой.

1-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
А вот на эпиграммы падкий,
На все сердитый господин . . .

2-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
На чай хозяйский, слишком сладкий,
На плоскость дам, на тон мужчин . . .

3-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
На толки про роман туманный,
На вензель, двум сестрицам данный . . .

4-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
На ложь журналов, на войну,
На снег и на свою жену.

1-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
А вот Проласов, заслуживший
Известность низостью своей души,

4-Я МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
Во всех альбомах притупивший
. . . . . , свои карандаши.

кая музыка?

В глубине зала появляется ОНЕГИН.

2nd YOUNG MAN

Shikhmatov.

3rd YOUNG MAN

Shakhovskoy.

1st YOUNG MAN

Shishkov.

2nd YOUNG MAN

A troika hostile to the mind.

3rd YOUNG MAN

Shishkov.

1st YOUNG MAN

Shikhmatov.

2nd YOUNG MAN

Shakhovskoy.

3rd YOUNG MAN

But who's the dumbest of the three?

1st YOUNG MAN

Shishkov.

2nd YOUNG MAN

Shikhmatov.

3rd YOUNG MAN

Shakhovskoy.

The GUEST, glancing spitefully at the archival youths, walks by, thumping his stick.

1st YOUNG MAN

There's one, a fan of epigrams,
A gentleman who's always cross . . .

2nd YOUNG MAN

At tea too sweet to tolerate,
At banal ladies, men who shout,

3rd YOUNG MAN

At novels hard to figure out,
The badge on those two maids-in-waiting.

1-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
Ужель Онегин?

2-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
Точно, он.

3-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
Давно ли к нам он занесен?

1-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
Все тот же-ль он, иль усмирился?
Иль корчит также чудака?

2-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
Скажите, чем он возвратился?
Что нам представит он пока?

3-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
Чем ныне явится ? Мельмонтом,
Космополитом, патриотом . . .

1-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
Гарольдом, квавером, ханжей,
Иль маской щегольнет иной . . .

ВЯЗЕМСКИЙ

(подходя)

Иль просто будет добрый малый,
Как вы, да я, как целый свет?

1-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
По крайней мере мой совет:
Отстать от моды обветшалай.

ПРОЛАСОВ

(подходя, прислушиваясь и потирая руки)

Довольно он морочил свет.

ВЯЗЕМСКИЙ

(про себя)

Вот крупной солью светской злости
Стал оживляться разговор.

ПРОЛАСОВ

По крайней мере, мой совет.

4th YOUNG MAN

The falsehoods in reviews, the war,
The snow . . . his wife . . . and so much more.

1st YOUNG MAN

And there's Prolazov, celebrated
For loathsomeness of soul — a clown.

4th YOUNG MAN

Saint-Priest, whose pen has decorated
So many albums all through town.

what music?

(ONEGIN appears in the depth of the hall.)

1st YOUNG MAN

Is that Onegin?

2nd YOUNG MAN

Yes, indeed.

3rd YOUNG MAN

And what ill wind blew *him* our way?

1st YOUNG MAN

Is he the same, or has he learned?
Or does he play the outcast still?

2nd YOUNG MAN

In what new guise has he returned?
What role does he intend to fill?

3rd YOUNG MAN

Childe-Harold? Melmoth for a while?
A Quaker? . . . or perhaps a bigot?

1st YOUNG MAN

Cosmopolite? A Slavophile?
Or will he sport some other mask?

VYAZEMSKY

(*Coming up to them*)

Or maybe he's a decent chap,
Like you and me, like all the world.

ВЯЗЕМСКИЙ

(ПРОЛАСОВУ)

Знаком он Вам?

ПРОЛАСОВ

(уклончиво)

И да и нет.

ВЯЗЕМСКИЙ

Зачем же так неблагосклонно

Вы отзываетесь о нем

За то ль, что мы неугомонно,

Хлопочем, судим обо всем.

(1-й АРХ. ЮН. Пожав плечами, отходит)

Что пылких душ неосторожность

Самолюбивую ничтожность

Иль оскорбляет, иль смешит,

Что ум, любя простор, теснит.

(2-й АРХ. ЮН. Тоже отошел)

Что слишком часто разговоры . . .

СЕРДИТЫЙ ГОСПОДИН.

(иронически поклонившись)

Принять мы рады за дела . . .

ВЯЗЕМСКИЙ

(горячо)

Что глупость ветрена и зла,

Что важным людям важны вздоры,

*(Отходит от поредевшей группы —
направляясь к ОНЕГИНУ, успев бросить
почти через плечо)*

И что посредственность одна

Нам по плечу и не странна.

(Пожимая руку ОНЕГИНУ дружески)

Он возвратился и попал . . .

ОНЕГИН

Как Чацкий, с корабля на бал.

1st YOUNG MAN

In any case, here's my advice:
Give up a role, when it's outmoded.

PROLAZOV

(Coming up to them, listening in rubbing his hands)

He's gulled the world quite long enough.

VYAZEMSKY

(To himself)

So now our talk will come alive
And on the spice of malice — thrive.

PROLAZOV

Just be like you and me: be nice,
I quite agree . . . that's good advice.

VYAZEMSKY

(to PROLAZOV)

You know him then?

PROLAZOV

(deferentially)

Not really, no.

VYAZEMSKY

But why on earth does he inspire
So harsh and negative a view?
Is it because we never tire
Of censuring what others do?

(1st ARCHIVAL YOUTH, shrugging his shoulders, walks off)

Because an ardent spirit's daring
Appears absurd or overbearing
From where the smug and worthless sit?
Because the dull are cramped by wit?

(2nd ARCHIVAL YOUTH also walks off)

And we indulge in idle talk . . .

вальс

струны под
сценой

ВЯЗЕМСКИЙ

И путешествия . . .

ОНЕГИН

. . . ему.

Как все на свете надоели
 Я начал странствия без цели . . .
 И всюду меркантильный дух
 Всяк суетится, лжет за двух.
 Тоска . . .
 Я видел Терек своенравный
 Крутые роет берега
 Стоит олень склонив рога.

ВЯЗЕМСКИЙ

Пред ним парит орел державный,

ОНЕГИН

Его мы очень смирным знали
 Когда не наши повара
 Орла двуглавого щипали
 У Бонапартова шатра.

ВЯЗЕМСКИЙ

А посетил ли ты Тавриду:
 С Атридом спорил там Пилад . . .

ОНЕГИН

Там закололся Митридат.

ВЯЗЕМСКИЙ

Прекрасны мы, берега Тавриды
 Когда вас видишь с корабля
 При свете утренней Киприды,

ОНЕГИН

Как вас впервой увидел я.
 А вот пустыни сторож вечный
 Стесненный холмами вокруг,
 Стоит Бешту остроконечный
 И зеленеющий Машук.

ВЯЗЕМСКИЙ

« »

Машук, податель струй целебных,
 Вокруг ручьев его волшебных —

ANGRY GENT

(bowing ironically)

But never seem to walk the walk.

VYAZEMSKY

Because stupidity is wicked
And malice rules the petty mind;*(Leaves the thinning group and heads for
ONEGIN, managing to shove and shoulder his
way out)*And mediocrity alone
Is what we like and call our own.*(Shakes ONEGIN's hand in a friendly fashion)*

And here you are!

ONEGIN

Like Chatsky, straight from boat to ball.

VYAZEMSKY

And travels? . . .

ONEGIN

As boring as all else on earth.
I felt a restless, vague ambition,
A craving for a change of air;
I roamed about to see the world,
And everywhere the merchant rules —
All bustle, lies, and greedy fools.
Ennui!I saw the willful Terek roar
Outside its banks in wayward flow,
A standing stag, with antlers low.

VYAZEMSKY

And saw the Russian eagle soar.

ONEGIN

Although he's grown quite tame of late:
Since foreign cooks, if not our own,
Have plucked his double-headed pate —
When Bonaparte attacked his throne.

waltz

strings
behind the
scenes

ОНЕГИН

Больных теснится бледный рой;
Кто жертва чести боевой.

ВЯЗЕМСКИЙ

(снизив голос)

Кто Почечуя, кто Киприды;
Прекрасны вы, берега Тавриды . . .

ОНЕГИН

Зачем я пулей в грудь не ранен?
Зачем не хилый я старик,
Зачем не чувствую в плече
Хоть ревматизма? — ах создатель.
Я молод, жизнь во мне крепка;
Чего мне ждать? тоска, тоска.

ВЯЗЕМСКИЙ

Кто странным снам не предавался?

ОНЕГИН

Кто черни светской не чуждался —

ВЯЗЕМСКИЙ

Другие дни, другие сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарные мечтанья,
И в поэтический бокал
Воды я много подмешал.

ОНЕГИН

Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,
Что изменяли ей всечасно,
Что обманула нас она;
Что наши лучшие желанья.

ВЯЗЕМСКИЙ

Что наши свежие мечтанья . . .

ОНЕГИН

Истлели быстрой чередой,
Как листья осенью гнилой.
В ту пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,

VYAZEMSKY

And did you visit Tauris, too?
The land where Homer's heroes fought?

ONEGIN

And where King Mithridates died!

VYAZEMSKY

O lovely land, you shores of Tauris —
From shipboard looming into sight,
All beautiful, you rose before us,
Like Venus bathed in morning light.

ONEGIN

As I first saw you from a ship.
And then my gazing eye discovered
Beshtu, the watchman of the waste,
Sharp-peaked and ringed by hills, it hovered
Above Mashuk, the green-encased.

VYAZEMSKY

Mashuk, the source of healing waters,
Around whose magic brooks and streams . . .

ONEGIN

A swarm of pallid patients press,
All victims — some, of war's distress.

VYAZEMSKY

(lowering his voice)

And some of Venus . . . some of piles.
O lovely Tauris, land of smiles . . .

ONEGIN

Oh, why have I no bullet wound?
And why am I not old and bent,
Or why not crippled with arthritis,
Or touched at least by some bursitis?
O Lord, I'm young and hale, you see.
What lies ahead? Ennui! Ennui!

VYAZEMSKY

Who hasn't known exotic visions?

ONEGIN

Or scorned the social mob's decisions?

И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал.

Отходят в сторону и садятся спиной к входу.

менуется
медленей,
образ
Татьяны
кк дан
здесь,
около 2 м.

*Из центральной двери ТАТЬЯНА с мужем — ГЕНЕРАЛОМ.
Шопот восхищения.*

ВЯЗЕМСКИЙ

(обернувшись)

Что там? Толпа заколебалась,
По зале шопот пробежал . . .

начинается
полнозвучно
затем
возвращает
ся к струн,
чтоб дать
место
рзгварам

ОНЕГИН не оборачивается, он погружен в свои мысли.

1-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Не холодна, не говорлива.

2-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Без взора наглого для всех.

1-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Без притязаний на успех,

2-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Без этих маленьких ужимок.

3-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Без подражательных затей . . .

Все тихо так и просто в ней.

1-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Вот села тихо и глядит
Любуясь шумной теснотою,
Мелканьем платьев. у стола
С блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы:

2-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

И верно согласитесь вы,
Что Нина мраморной красою
Затмить соседку не могла б.

(Оба его товарища наклоняют головы.)

VYAZEMSKY

Ah, better days . . . and better dreams.
 You've been subdued, you vaulting schemes
 Of springtime and of vanished youth.
 And in this poet's cup of mine,
 I now mix water with my wine.

ONEGIN

How sad that youth with all its power
 Was given us in vain . . . to burn,
 That we've betrayed it every hour
 And were deceived by it in turn,
 That all our finest aspirations . . .

VYAZEMSKY

Our brightest dreams and inspirations . . .

ONEGIN

Have withered with each passing day,
 Like leaves . . . dank autumn rots away.
 Back then, it seemed, I had a need
 For wilderness and frothing waves,
 Those massive cliffs, the pounding sea,
 The vision of a "maiden free."

waltz

They go off to the side and sit down, back to the entrance.

*minuet
 slow image
 of Tatyana
 as given
 here,
 about 2
 mins.*

From the central door, TATYANA with her husband, THE GENERAL. A murmur of admiration.

VYAZEMSKY

What's that? The crowd is all astir,
 A whisper's running through the hall . . .

*begins in
 full sound,
 then
 returns to
 the strings,
 to make
 place
 for the
 conversation*

ONEGIN doesn't turn around, he is sunk in his own thoughts.

1st YOUNG MAN

She's neither cold, nor too effusive.

2nd YOUNG MAN

She casts no haughty gaze around.

1st YOUNG MAN

She makes no effort to astound.

ДРЯХЛЫЙ САНОВНИК

*(На ухо СЕРДИТОГО ГОСПОДИНА,
указывая на молодого человека, который
мрачно прислоняясь к двери, не спускает глаз
с ТАТЬЯНЫ).*

Один какой-то шут печальной
Ее

(жест в сторону Татьяны)
находит Идеальной.

СЕРДИТЫЙ ГОСПОДИН

(тоже на ухо, но громко и ядовито)

И, прислонившись у дверей
Элегию готовит ей.

ВОРОНСКАЯ

(Татьяне, указывая на Онегина)

Но это кто в толпе избранной
Стоит безмолвный и туманный?
Для всех он кажется чужим.
Мелькают лица перед ним,
Как ряд докучных привидений
Что, сплин иль страждущая спесь
В его лице? Зачем он здесь?
Кто он таков?

ТАТЬЯНА

(про себя)

Ужель Онегин?

ОНЕГИН

(выйдя из задумчивости)

Я жил тогда в Одессе пыльной
(заметил Татьяну)

А где, бишь мой рассказ несвязный.
В Одессе пыльной, я сказал.
Я мог сказать . . .

2nd YOUNG MAN

No little grimaces or smirks.

3rd YOUNG MAN

No imitative affectations.

All calm, and with a simple air.

1st YOUNG MAN

She's seated now and looks about,
She's taking in the buzzing crowd,
The sparkling gowns. Beside her sits
The brilliant Nina Voronskáya,
That Cleopatra of the north.

2nd YOUNG MAN

But surely you'll agree, my friends,
That even Nina's marble beauty,
Cannot eclipse her neighbor's light.

(Both men nod in agreement.)

DECREPIT DIGNITARY

*(shouting into the ear of the Angry Gent and
pointing to a Young Man who is leaning
gloomily against the door)*

That mournful joker seems to feel

(makes a gesture in TATYANA's direction)

He's finally found his "true ideal."

ANGRY GENT

(also into his ear, but loudly and maliciously)

I'm sure he's quite prepared to write
An *elegy* to ease his plight.

VORONSKAYA

(To Tatyana, pointing out ONEGIN)

Who's that I see among the chosen,
That figure standing mute and frozen?
That stranger no one seems to know?
Before him faces come and go,
Like specters in a bleak procession.
What is it . . . martyred pride or spleen
That marks his face? What's brought him here?
Who is he, though?

ВЯЗЕМСКИЙ

В Одессе грязной.
И тут бы право не солгал.

ОНЕГИН

Ужели . . .

ВЯЗЕМСКИЙ

Что с тобой Евгений?

ОНЕГИН

Ужель она? но точно.. Нет
Как ? Из глуши степных селений . . .

ВЯЗЕМСКИЙ

Ты ей знаком?

ОНЕГИН

Я им сосед.

ВЯЗЕМСКИЙ

О так пойдем же. Слов нет.
Du comme il faut. Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.

*(Взяв ОНЕГИНА под руку, ведет его к
ТАТЬЯНЕ и ее мужу; в это время тихо
зазвучала музыка и двигающиеся пары
замедляют шаги.)*

Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
Высоком лондонском кругу
Зовется *vulgar*. Не могу . . .
Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести.
Оно у нас покамест ново,
И вряд ли быть ему в чести . . .

СЕРДИТЫЙ ГОСПОДИН

(мимо которого они проходит)

Оно б годилось в эпиграмме.

ВЯЗЕМСКИЙ

(отвернулся от непрошенного собеседника)

Но обращаюсь к нашей даме.

minuet

TATYANA

(to herself)

Is that Eugene?

ONEGIN

(emerging from his reverie)

I lived in dusty, dry Odessa . . .

(He notices Tatyana)

But where's my rambling story headed?

I think I said: Odessa, dry . . .

I could have said . . .

VYAZEMSKY

Odessa muddy,

And sure enough — that's not a lie.

ONEGIN

Could it be true? . . .

VYAZEMSKY

What's wrong, Oleg?

ONEGIN

Is that Tatyana? . . . Yes . . . and yet . . .

Impossible! From those backwoods . . .

VYAZEMSKY

You know her?

ONEGIN

We were neighbors, Prince.

VYAZEMSKY

You'll find her very *comme il faut*.*(Shishkov, be kind and let it pass,**I can't translate this phrase, alas.)**(Takes ONEGIN by the arm, leads him to TATYANA and her husband; at this time music quietly begins to sound, and the moving couples begin to slow their steps)*

She doesn't have the slightest trace

Of what the London sets decry

As vulgar. I won't even try

To find an adequate translation

повторяется
вальс

Подводит ОНЕГИНА к ТАТЬЯНЕ и ГЕНЕРАЛУ. ОНЕГИН целует спокойно протянутую ему руку, кланяется муж ТАТЬЯНЫ ДМИТРОВНЫ. Разрастающиеся звуки музыки делают неслышимым их разговор. ТАТЬЯНА вполне спокойна. ОНЕГИН сперва смущен, потом оживляется, но в это время неслышно подлетевший танцор увлекает ТАТЬЯНУ в кружение танца. ВЯЗЕМСКИЙ уходит вместе с ГЕНЕРАЛОМ. ОНЕГИН остается один у пустого кресла ТАТЬЯНЫ. Еле заметным движением он толкает его ручку — может ему вспомнилась репетиция с креслом-качалкой — но золоченый фотейль стоит крепко и неподвижно на своих изогнутых ножках. Постепенно шум музыки утишается и утихает: Но ТАТЬЯНА не возвращается к своему прежнему креслу. Десяток рук услужливо пододвинули ей кресло в другом конце зала. Вокруг ее «темная рама мужчин». Она непринужденно и спокойно отвечает на льстивые поклоны и слова. В группе около ТАТЬЯНЫ разговор — очевидно об ОНЕГИНЕ.

СЕРДИТЫЙ ГОСПОДИН

Мы все глядим в Наполеоны,
Двуногих тварей миллионы,
Для нас орудие одно

1-Й МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК

Нам чувство дико и смешно.

ВЯЗЕМСКИЙ

«И жить торопится и чувствовать спешит»
Сноснее много был Евгений,
Хоть он людей, конечно, знал
И вообще их презирал;
Но правил нет без исключений.

ТАТЬЯНА

«Il avait encore plus de cette espece d'orgueil . . . »

ВЯЗЕМСКИЙ

(смеясь)

Да, гордостью, которая заставляет признавать с одинаковым равнодушием, как добрые, так и

For this delicious epithet;
 With us the word's an innovation
 And hasn't found much favor yet.

ANGRY GENT

(walking past)

'Twould suit an epigram, I bet.

VYAZEMSKY

(turning away from the unwelcome interlocutor)

But come, let's greet the lovely lady.

repeat
 waltz

Leads ONEGIN to TATYANA and the GENERAL. ONEGIN kisses the hand calmly held out to him, TATYANA DMITRIEVNA's husband bows. The music's growing strains make their conversation inaudible. TATYANA is totally calm. ONEGIN is at first embarrassed, then becomes animated, but just then a dancer noiselessly flies up and draws TATYANA into the whirl of the dance. VYAZEMSKY goes off with the GENERAL. ONEGIN remains alone near TATYANA's empty chair. By a barely perceptible motion he gives a push to the arm of the chair — perhaps it reminds him of the “rehearsal” with the armchair-rocker — but the gilded fauteuil stands firmly and motionless on its bent little legs. Gradually the music quiets down and fades away. But TATYANA does not return to her former chair. A dozen hands punctiliously pull up a chair for her in another corner of the hall. Around her is a “dark frame of men.” In an unforced, calm manner she responds to their obsequious bows and words. In the group around TATYANA a discussion is going on, apparently about ONEGIN.)

ANGRY GENT

We all take on Napoleon's features,
 And millions of our fellow creatures
 Are nothing more to us than tools.

1st YOUNG MAN

Since feelings are for freaks and fools.

VYAZEMSKY

“In a hurry to live, and eager for experience.”
 Eugene, of course, had keen perceptions
 And as a rule despised mankind,
 Yet wasn't, like so many, blind;

дурные поступки, вследствие

. . . чувства

превосходства . . .

ТАТЬЯНА

. . . быть может мнимого.

(Смех)

ОНЕГИН

Кто б смел искать девчатки нежной

В сей величавой, в сей небрежной

Законодательнице зал?

И я ей сердце волновал

Иль может быть . . .

Письмо, где сердце говорит,

Где все на руке, все на воле,

Та девочка . . . иль это сон

(припоминая)

«Давно . . . нет, это был не сон.

Ты чуть вошел, я вмиг узнала,

Вся обомлела запылала.

И в мыслях молвила: вот он».

(Хочет приблизиться к ней, но в это время 1-й АРХ. ЮН., при звуках ригурнели, быстро вспыхнувших и погасших, приглашает ее к танцу. ОНЕГИН возвращается на прежнее место).

С какой гордостью небесной

Земли касается она.

Как негой грудь ее полна

Как томен взор ее чудесный.

Ей душно здесь . . . она мечтой

Стремится к жизни полевой

И в сумрак липовых аллей,

Туда, где он являлся ей.

Неужто я в нее влюблен?

Ей-богу это было б славно. —

Но полно, полно; перестань:

Ты заплатил безумству дань.

(Срывается в толпе. Первые такты «польского»)

*Торжественно
злочетный
Танец (м.б.
скользящий)
но р.*

*Танец
взрывается
до ff*

And since each rule permits exceptions,
He did respect a noble few
And cold himself, gave warmth its due.

TATYANA

Il avait encore plus de cette espece d'orgueil . . .

VYAZEMSKY

(laughing)

Yes, pride . . . which prompts him to confess
His good and evil deeds alike —
In just the same indifferent way.
A feeling of superiority.

TATYANA

Perhaps imaginary.

(Laughter)

ONEGIN

Who'd dare to seek that tender maiden
In this serene, majestic lady,
This Mistress of the grand salon?
And once I moved her heart to tears.
But could it be . . .
The letter . . . where she spoke so boldly,
Where all was shown and offered freely . . .
That girl . . . or was it all a dream?!

(quoting)

“. . . So long ago. This was no dream.
When you came in, I seemed to waken,
I turned to flame, felt faint and shaken,
And in my heart I cried: It's him!”

(Wants to approach her, but at that very moment, the 1ST ARCHIVAL YOUTH, to the strains of a Ritornelle, quickly flaring up and then fading away, invites her to dance. ONEGIN returns to his previous place.)

triumphant
concluding
dance
(maybe
gliding) but
piano

With what celestial pride she graces
The very ground on which she walks.
How sensuous her lovely breast,
What languor in her wondrous gaze . . .
She's stifled here, and in her soul
She's yearning for that country place,

коротк
пауза

вступлен к
набережн
Невы

ФРАГМЕНТ 13

*Набережная Невы. Чугунная решетка. Вдоль
набережной редкие огни фонарей. По ту сторону реки, еле
видимые сквозь туман контуры длинных домов. Первые
признаки рассвета; звезды уже потушены, фонари еще
горят. У парашета черная фигура человека в плаще. Он
повернут к зрителю спиной. Это ОНЕГИН.*

ОНЕГИН

Она меня не замечает,
Как тут не бейся, хоть умри.
Свободно дома принимает,
В гостях промолвит слова три,
Порой одним поклоном встретит,
Порою вовсе не заметит.
У, как теперь окружена
Крещенским холодом она.
Где, где смятенье, состраданье?
Где пятна слез? Их нет, их нет.
Ответа нет. И вновь посланье:
Второму, третьему письму
Ответа нет.

*Перекликающиеся голоса ночных часовых; отдаленный стук
дрожек; сквозь туман не то взмахи крыльев гигантской
птицы, не то всплеск весел; рожок и далекая, еле
различимая песня;*

И в молчаливом кабинете
Припомнилася мне пора,
Когда жестокая хандра
За мной гналася в шумном свете,
Поймала, за ворот взяла
И в темный угол заперла.
И стал читать я без разбора.
Прочел Гиббона и Руссо,
Манзони, Гербера, Шамфора,
Мадам де-Сталь, Биша, Тиссо.
И что-ж? Глаза мои читали,
Но мысли были далеко;
Мечты, желанья, печали
Не снились в душу глубоко.
Я меж печатными строками

*dance grows
up to ff*

The dusky, linden-shaded walk,
Where we two met so long ago.
Am I in love with her?
My God, that would be marvelous . . .
But stop! Enough! Have done at last;
You've paid your dues to follies past.
*(Disappears in the crowd. First bars of a
"Polish dance.")*

brief pause

FRAGMENT 13

*intro to bank
of Neva*

*The Neva embankment. A cast-iron grating. Along the bank
the infrequent light of lanterns. On the far side of the river,
barely visible through the fog, the contours of long houses. The
first signs of dawn: the stars are already dimmed, but the
lanterns are still burning. On the parapet, the black figure of a
man in an overcoat. He is turned with his back to the audience.
This is ONEGIN.*

ONEGIN

She doesn't notice me at all,
No matter what I try to do —
At home receives me very freely,
In public speaks a word or two,
Or merely meets me with a bow,
Or passes by without a greeting.
What wintry frost surrounds her now . . .
But where's confusion? Or compassion?
And where the tear stains? Not a trace;
There's no response . . .
And so, like her, I sent a letter,
And then a second, and a third,
With no reply . . . no tender word.

*The voices of the night watchmen call out to one another; the
distant rattle of carriages; through the fog, perhaps the flapping
wings of some gigantic bird, perhaps the splash of oars; a horn
and a distant, barely perceptible song.*

And locked behind my study door,
I thought of other mournful days,
When wicked spleen had once before
Pursued me through this noisy world,

Читал духовными глазами
 Другие строки.
 То были тайные преданья
 Сердечной, темной, старины.
 Не с чем не связанные сны
 Угрозы, толки предсказанья,
 Иль длинной сказки вздор живой,
 Иль письма девы молодой.

К последним строкам появляется ФОНАРЬЩИК: на плече у него лесенка, в руках палка с гасильщиком. Фонари — один за другим — потухают. С противоположной стороны — все ближе и ближе — пьяное но стройное пение. Появляется кампания, очевидно возвращающихся о ночной пирушки, СТУДЕНТОВ ЛИЦЕЙСТОВ. Они идут обнявшись, не слишком твердым шагом, но песня их твердо шагает из такта в такт.

м.б. немецк
немнѣско
типа

м.б. брѣрно
снтиментль
н?

Песня пирующих студентов

Друзья, досужный час настал
 Все тихо, все в покое,
 Скорее скатерть и бокал:
 Сюда, вино златое.
 Шипи, шампанское в стекле,
 Друзья почто же с Кантом
 Сенека, Тацит на столе,
 Фолвант над фолиантом.
 Под стол холодных мудрецов,
 Мы полем овладеем,
 Под стол ученых дураков,
 Без них мы пить умеем.
 Друзья, досужный час настал . . .

(Студенты и песня удаляются).

ОНЕГИН

(вслед, в туман реки и воспоминаний)

«Друзья, досужный час настал»
 Враги, давно ли друг от друга?
 «Скорее скатерть и бокал»
 Давно ли мы в часы досуга
 Трапезу, мысли и дела
 Делили дружно. Ныне злобно

Had seized me by the collar then
 And locked me in a darkened den.
 I turned once more to seers and sages:
 I read my Gibbon and Rousseau,
 Chamfort, Manzoni . . . Herder's pages,
 Madame de Staël, Bichat, Tissot.
 What came of it? My eyes were reading,
 My thoughts had wandered far apart.
 Desires, dreams, and heavy sorrows
 Kept crowding deep within my heart.
 Between the printed lines, my eyes —
 My spirit's eyes — read other lines . . .
 The heart's dark secrets and traditions,
 The mysteries of its ancient past,
 Disjointed dreams — obscure and vast,
 Vague threats and rumors, premonitions,
 A drawn-out tale of fancies grand,
 Or letters in a maiden's hand.

Around the time of the final lines, a LANTERN-MAN appears; he carries on his shoulder a stepladder, in his hands a stick with an extinguisher. The lanterns — one after another — are put out. From the opposite side, coming closer and closer, drunken but harmonious singing. A group of LYCÉE STUDENTS appear, apparently returning from their all-night revels. They are walking with arms around one another, with a step that is not entirely steady. But their song steps firmly from bar to bar.

Song of the Carousing Students

*perhaps
 of a
 somewhat
 German
 type
 perhaps
 bravura-
 sentimental?*

Our leisure hour has come, my friends,
 The peace-and-quiet's fine,
 So set the table, bring a glass
 And pour the golden wine!
 Champagne to fizz . . . in all our heads.
 Put Seneca aside,
 And Tacitus, and Kant as well,
 Our table calls for wine!
 So down with all those wise old men,
 They don't deserve a share,
 Beneath the table let them lie,

Врагам наследственным подобно,
 Четыре перешли шага,
 Четыре смертные ступени.
 И пистолет свой, ты Евгений,
 Не переставая наступать,
 Стал первый тихо подымать.
 И вижу я: на талом снеге,
 Как будто спящий на ночлеге,
 Недвижим юноша лежит,
 И слышу голос: что ж? Убит.
 И вижу я врагов забвенных,
 Клеветников и трусов злых,
 И рой изменниц молодых,
 И круг товарищей презренных,
 То сельский дом — и у окна
 Сидит о н а . . . и все она . . .

музыка
 Тьяны

Упал локтями на чугун перил. В это время, скользя вдоль парашета, совершенно неслышной походкой появляются: ПОЭТ и ДВОЕ. Остановили в отделении.

ПОЭТ

С душою, полной сожалений,
 И опершись на гранит,
 Стоял задумчиво Евгений,
 Как описал себя Пиит.
 Все было тихо; лишь ночные
 Перекликались часовые;
 Да дрозжек отдаленный стук
 С Мильонной раздавался вдруг;
 Лишь лодка, веслами махая,
 Пыла по дремлющей реке:
 И нас пленяли вдалеке
 Рожок и песня удалая.
 Но слаще, средь ночных забав,
 Напев Торкватовых октав.

1-Й

(осведомляюще)

Сперва Онегина язык
 Меня смущал; но я привык

And we'll have wine to spare!
Our leisure hour has come, my friends . . .⁶

(The students and the song grow more distant)

ONEGIN

(Following them with his eyes, into the fog of the river and of memory)

“Our leisure hour has come, my friends.”
How long had we been enemies?
“So set the table, bring a glass.”
And when did we become estranged?
Was it so long ago we shared
A table in a friendly way?
Shared thoughts and dreams? And then one day,
Malignantly, like ancient foes,
We took those four . . . those fatal steps.
And you, Onegin, never ceasing
Your slow advance, were first to raise
Your pistol with a level gaze.
I see a youth . . . inert . . . stretched out
On melting snow . . . as if asleep.
I hear a voice: “Well then, he’s dead.”
And now I see forgotten foes,
Malicious slanderers and cowards,
A swarm of women who betrayed me,
A circle of despised companions . . .
A country house . . . a windowsill,
Where she sits waiting, waiting still.

*Tatyana’s
music*

His elbows fall on the cast-iron grate of the railing. At this time, gliding along the parapet in an absolutely inaudible gait, the POET and TWO PEOPLE appear. They stop in the distance.

POET

Filled with his heart’s regrets, and leaning
Against the rampart’s granite shelf,
Eugene stood lost in pensive dreaming,
As once a poet sketched himself.
All’s quiet in the balmy night,
Only the sound of sentries calling,
Or suddenly from Million Street

⁶ The opening lines of Pushkin’s 1814 juvenilia “Пирующие студенты” [Carousing students] — *CE*

К его язвительному спору,
И к шутке с желчью по полам,
И к злости мрачных эпиграмм.

ПОЭТ

Но был ли счастлив мой Евгений,
Среди вседневных наслаждений?

2-Й

(почтительно)

Онегин был готов со мною
Увидеть чуждые страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгий срок разведены.

ПОЭТ

(резко отвернувшись)

Придет ли час моей свободы?
Пора, пора — взываю к ней;
Брожу над морем, жду погоды,
Маню ветрила кораблей.
Под ризой бурь, с волнами споря,
По вольному распутью моря,
Когда ж начну я вольный бег?
Пора покинуть скучный брег
Мне неприязненной стихии,
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей,
Вздыхать о сумрачной России

(Смотрит на Онегина)

Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил.

музыка

*Вдалеке — озвученной нервной дрожью — дробь барабана;
потом ближе: а там и совсем близка.*

ПОЭТ

(отходя в тень)

Что ж мой Онегин?

(Спутники склонились при звуке его голоса)

A distant coach's rumbling beat,
 Or floating on the drowsy river
 A lonely boat would sail along,
 And far away a rousing song
 Or plaintive horn would charm our hearts.
 But sweeter still upon such nights
 Are Tasso's octaves' soaring flights.

1st FRIEND

Although Onegin's conversation
 At first disturbed me, in the end
 I grew accustomed to my friend,
 To all his caustic disputation,
 His blend of banter and of bile,
 His somber wit and biting style.

POET

But was Onegin truly happy
 Amid his daily round of pleasures?

2nd FRIEND

Eugene and I had just decided
 To make the foreign tour we'd planned,
 But all too soon our paths divided,
 When fate took matters into hand.

POET

When will my hour of freedom come?
 It's time, it's time! I bid her hail;
 I roam the shore, attend the weather,
 And beckon to each passing sail.
 Oh when, my soul, with waves contending
 And cloaked in storms, will I take flight
 To roam the vast unending sea?
 It's time to quit this dreary land,
 This wretched and oppressive place;
 And there, where southern waves are high,
 Beneath my Africa's warm sky,
 To sigh again for somber Russia,
 Where first I loved, where first I wept,
 And where my buried heart is kept.

music

In the distance: the resonant, nervous rat-a-tat beating of a drum; then the sound comes closer; and then it is utterly up-close.

1-Й

Полусонный.

В постелю с бала едет он:

2-Й

А Петербург неугомонный

Уж барабаном пробужден.

ВСЕ ТРОЕ

Уж барабаном пробужден.

(Исчезают)

Барабан рокочет у самой сцены. Из полосатой будки вылезает будочник с алебардой; он зевает и щурится, прикрывая глаза ладонью, на рассверкавшийся в первых лучах солнца шпиль Петропавловской крепости. ОНЕГИН подымает голову. Был ли это сон персонала о своем авторе, или иллюзия, рожденная предутренним петербургским туманом? Он сейчас еще уползает вдоль реки, и вслед за ним, точно в погоню пустился легкий и быстрый белый парус.

*а м.б. тему
Татьяны
рзвить, а не
город*

ОНЕГИН

И у окна

Сидит *она* и все она.*Пробуждение города: в пространстве и в оркестре.*ФРАГМЕНТ 14

Гостиная в доме мужа ТАТЬЯНЫ ДМИТРИЕВНЫ. ТАТЬЯНА ДМИТРИЕВНА, нет, Таня, прежняя Таня, в простом платье небрежно брошенном на плечи, сидит у окна, на просторной тахте, придвинутой к самому подоконнику. Рядом с ней, у ее колен ларец, который зритель может быть и запомнил среди немногих предметов, находившихся еще и девичьей спальне ТАТЬЯНЫ.

Хотя огромное венецианское окно и завешено, но сквозь прозрачную ткань, снизу вверх, протискиваются лучи утреннего солнца. Княгиня отодвигает гардину и приоткрывает окно. Вслед за лучами и шумы.

ПОЕТ

(retreating into the shadows)

And what of my Onegin?

*(His companions bow at the sound of his voice.)*1st FRIEND

Half drowsing,

He's off to bed from last night's ball.

2nd FRIEND

While Petersburg, already rousing,

Answers the drummer's wake-up call.

ALL THREE

Answers the drummer's wake-up call.

(They disappear)

The drum rumbles at the very edge of the stage. A watchman with a hallebarde crawls out of a striped booth; he yawns and screws up his eyes, shielding them with his palm from the first rays of the sun glinting off the spire of the Peter and Paul Fortress. ONEGIN lifts his head. Was this the dream of a character about his own author, or an illusion born of the pre-morning Petersburg fog? That fog still slides along the river, and after it, as if in pursuit, a light rapid white sail sets out.

*perhaps
develop
Tatyana's
theme and
not city*

ONEGIN

The windowsill . . .

Where she sits waiting, waiting still.

*The awakening of the city: in space and in the orchestra.*FRAGMENT 14

A drawing room in the house of TATYANA DMITRIEVNA's husband. TATYANA DMITRIEVNA, no, Tanya, the previous Tanya, in a simple dress, carelessly thrown over her shoulders, sits at the window, on a spacious ottoman placed up against the windowsill. Close to her, lying on her knees, is a little chest, which the spectator will perhaps remember among the few objects from the young TATYANA's bedroom.

Although the huge Venetian window is curtained, through the transparent fabric, slanting upwards, rays of the morning sun

ТАТЬЯНА

А Петербург неугомонный
 Уж барабаном пробужден.
 Встает купец, идет разносчик,
 На биржу тянется извозчик,
 С кувшином охтенка спешит,
 Под ней снег утренний хрустит.
 Проснулся утра шум приятный,
 Открыты ставни, трубный дым
 Столбом восходит голубым.

пantomима

*1 м.
 музыка
 перходит в
 деревенскую*

(Отворачивается, прикрывает окно)

Иные нужны мне картины:
 Люблю песчаный косогор,
 Перед избушкой две рябины,
 Калитку, сломанный забор,
 На небе серенькие тучи
 Перед гумном соломы кучи —
 Да пруд под сенью из густых.
 В деревне б, к бедным поселянам,
 В уединенный уголок,
 Где льется светлый ручеек,
 К своим цветам, к своим романам
 И в сумрак липовых аллей,
 Туда, где он . . .

Роется в своем ларце: оттуда появляются медальоны, тенькая книжка, ТАТЬЯНА раскладывает свои вещи-воспоминанья поверх плоских цветов тахты. Предметы эти образуют около нее как бы заколдованный круг, отделяющий ее от богатых и чинных апартаментов. Притрагиваясь к своим овеществленным воспоминаньям, переставляя их с места на место, ТАТЬЯНА играет с ними в таинственную, лишь им и ей понятную игру. На губах ее, вместе с улыбкой, тихий напев.

Всех я вас люблю сердечно
 Но другому я навечно
 Отдана. Мне всех милей
 Королевич . . . . . —

push through. The princess moves the curtain aside and opens the window slightly. Noises follow promptly after the sun rays.)

TATYANA

And Petersburg, already rousing,
Answers the drummer's wake-up call!
The merchant's up, the peddler scurries,
With jug in hand the milkmaid hurries,
Crackling the freshly fallen snow,
The cabbie plods to Hackney Row.
In pleasant bustle morning wakes!
The shutters open, smoke ascends
In pale blue shafts from chimney ends.⁷

pantomime

*1 min. music
switches
to rural*

(She turns away, covers up the window)

But I'm more fond of other scenes:
I love a steep and sandy hill,
A cottage with two rowan trees,
A broken fence, a wicket gate;
And in the sky some clouds of gray,
The threshing barn . . . and mounds of hay,
A pond beneath dense willow trees;
The countryside, poor village neighbors,
A distant and secluded nook
Beside a limpid flowing brook;
My flowers and my favorite novels,
That dusky, linden-shaded walk
Where he and I . . .

She rummages in her little chest, takes out medallions, a little book; TATYANA spreads out her reminiscence-objects over the flat flowers of the ottoman. These objects form an enchanted circle around her, as it were, which separates her from the accoutrements of her wealth and rank. Allowing herself to be drawn in to these embodied memories, shifting them around from place to place, TATYANA plays a mysterious game with them, one known only to them and to her. On her lips, a smile and a quiet refrain.

"I love you all sincerely, friends,
But pledged myself to someone else

⁷ In the manuscript this stanza is crossed out, but it is unclear by whose hand—Krzhizhanovsky, Tairov or Prokofiev. Possibly the composer's marginal comment "pantomime" was offered as a replacement stage direction. — CE

Внезапно, быстрыми шагами входит ОНЕГИН; в руках у него цилиндр, с локтя свешивается плащ. Сперва молча наблюдает ТАТЬЯНУ. Дойдя до края тахты, точно сломавшись в коленях, склоняется; плащ его упал поверх ярких тахтяных цветов. Мгновение паузы.

ОНЕГИН

Предвижу все; вас оскорбит
 Печальной тайны объясненье
 Какое горькое презренье
 Ваш гордый взгляд изобразит.
 Но так и быть: я сам себе
 Противиться не в силах боле;
 Все решено: я в вашей воле,
 И предаюсь моей судьбе!

*(Взгляд его, поднятый навстречу ее глазам,
 встречает в них не презренье, а только
 вопрос.)*

Когда б вы знали, как, ужасно,
 Томится жаждою любви,
 Пылать — и разумом всечасно
 Смирять волнение в крови;
 Желать обнять у вас колени,
 И, зарыдав, у ваших ног
 Излить мольбы, признанья, пени,
 Все, все, что выразить бы мог.

ТАТЬЯНА

Довольно; встаньте. Я должна
 Вам объясниться откровенно.
 Онегин, помните ль тот час,
 Когда в саду, в аллее нас
 Судьба свела, и так смиренно
 Урок ваш слушала я?
 Сегодня очередь моя.
 Онегин, я тогда моложе,
 Я, лучше, кажется, была,
 И я любила вас; и что же?
 Что в сердце вашем я нашла?
 Какой ответ? одну суровость.
 Неправда ль? Вам была не новость
 Смиренной девочки любовь?
 И нынче — боже — стынет кровь,
 Как только вспомню взгляд холодный

Forevermore . . . I've sworn my love
To one most dear — Prince. . .”

Suddenly ONEGIN enters, with quick steps; he is carrying his top hat in his hands, his overcoat draped over his elbow. At first he gazes at TATYANA silently. Coming up to the edge of the ottoman, precisely as if his knees were broken, he bows to her; his overcoat falls on top of the bright flowers on the ottoman. A moment's pause.

ONEGIN

I see it all: Your deep distress
At this unwanted revelation,
The bitter scorn and condemnation
Your haughty glance may well express.
But let it be. It's far too late
For me to struggle at this hour.
The die is cast. I'm in your power,
And I surrender to my fate.

*(His glance, which rises to meet her eyes, meets
in them no disdain, only a question.)*

If you could know the anguish in it —
To thirst with love in every part,
To burn — and with the mind each minute
To calm the tumult in one's heart:
The need to clasp, in adoration,
Your knees and, sobbing at your feet,
Pour out confession, lamentation . . .
Oh, all the words that I might speak.

TATYANA

Enough. Stand up. I owe you now
At least a word of explanation.
Onegin, do you still retain
Some memory of that park and lane
Where fate brought you and me together?
Where I so meekly heard you preach?
It's my turn now to make a speech.
Onegin, I was then much younger,
And likely better looking, too.
I loved you with a tender yearning,
And what did I then find in you?
What answer came? A stern rejection.
A humble maiden's meek affection

И эту проповедь . . . Но вас
 Я не виню: в тот страшный час
 Вы поступили благородно,
 Вы были правы предо мной:
 Я благодарна всей душой . . .
 Тогда — не правда ли? — в пустыне,
 Вдали от суетной Москвы,
 Я вам не нравилась? . . . Что ж ныне
 Меня преследуете вы?
 Зачем у вас я на примете?
 Не потому ль, что в высшем свете,
 Теперь являться я должна,
 Что я богата и знатна,
 Что муж в сраженьях изувечен,
 Что нас за то ласкает двор?
 Не потому ль, что мой позор
 Теперь бы всеми был замечен,
 И мог бы в обществе принести
 Вам соблазнительную честь?

ОНЕГИН

Как удержать негодование
 Уста упрямые хотят!

ТАТЬЯНА

Я плачу . . . если вашей Тани
 Вы не забыли до сих пор,
 То знайте: колкость вашей брани,
 Холодный, строгий разговор,
 Когда б в моей лишь было власти,
 Я предпочла б обидной страсти
 И этим письмам и слезам.
 А нынче — что к моим ногам
 Вас привело? какая малость!
 Как с вашим сердцем и умом
 Быть чувства мелкого рабом!

ОНЕГИН

Я знаю век уж мой измерен;
 Но чтоб продлилась жизнь моя,
 Я утром должен быть уверен,
 Что с вами днем увижусь я . . .

To you, I'm sure, was trite and old.
O God! — my blood can still turn cold
When I recall how you reacted:
Your frigid glance . . . that sermonette!
But I can't blame you . . . or forget
How nobly in a sense you acted,
How right toward me that awful day;
I'm grateful now in every way.
Back then — far from the world's commotion,
In our backwoods — as you'll allow,
You had no use for my devotion,
So why do you pursue me now?
Is it because I've been accepted
In circles that you find more swank,
That I have wealth and noble rank?
Because my husband, maimed in war,
Is held in high esteem at court?
Or would my fall perhaps be sport,
A topic for the gossip mongers?
Which might in turn bring you some claim
To social scandal's kind of fame?

ONEGIN

How stubbornly her lips are pressed
To curb their righteous indignation.

TATYANA

I'm weeping now . . . At this late hour,
If you recall your Tanya still,
Then know: If I possessed the power,
I'd much prefer words harsh and chill,
Stern censure in your former fashion,
To this offensive show of passion,
To all these letters and these tears.
And now! — what unbecoming scheme
Has brought you to my feet? What pettiness!
Can you, so strong of mind and heart,
Now stoop to play so base a part?

ONEGIN

My days are numbered, no mistake.
But now to have this moment stay,
I need to know, when I awake,
I'll see you in the coming day.

ТАТЬЯНА

А мне, Онегин, пышность эта,
 Постылой жизни мишура,
 Мои успехи в вихру света,
 Мой модный дом и вечера,
 Что в них? Сейчас отдать я рада
 Всю эту ветошь маскарада,
 Весь этот блеск, и шум, и чад
 За полку книг, за дикий сад,
 За наше бедное жилище,
 За те места, где в первый раз,
 Онегин, видела я вас,
 Да за смиренное кладбище,
 Где нынче крест и тень ветвей
 Над бедной нянею моей . . .

ОНЕГИН

. . . В тени двух сосен устарелых
 Пришельцу надпись говорит:
 «Владимир Ленский здесь лежит,
 Погибший рано смертью смелых»
 И сельский дом — и у окна
 Сидит она . . . и все она.

ТАТЬЯНА

А счастье было так возможно!
 Так близко!.. Но судьба моя
 Уж решена. Неосторожно
 Быть может поступила я:
 Меня с слезами заклинаний
 Молила мать; для бедной Тани
 Все были жребии равны . . .
 Я вышла замуж. Вы должны
 Я вас прошу меня оставить;
 Я знаю, в вашем сердце есть
 И гордость и прямая честь.
 Я вас люблю (к чему лукавить?),
 Но я другому отдана;
 Я буду век ему верна.

Поднявшись, медленно идет, ступая по плоским цветам тахтяного луга. Цветы на своих спиральных стальных стеблях почти не чувствуют касанья ее ноги. ОНЕГИН стоит, молча склонившись.

TATYANA

For me, Onegin, all these splendors,
 This weary, tinsel life of mine,
 The homage that the great world tenders,
 My stylish house where princes dine —
 Are nothing. I would gladly trade
 This whole bedraggled masquerade,
 This world of glitter, fumes and noise,
 For just my books, the simple joys
 Of our old home, its park and flowers;
 For all those haunts that I once knew,
 Where first, Onegin, I met you;
 For that small churchyard's shady bowers,
 Where over my poor nanny now
 There stands a cross beneath a bough.

ONEGIN

Beneath two pine trees stands a grave,
 Its marker lets the stranger know:
 "Vladimir Lensky sleeps below,
 A youth whose death was proud and brave."
 And then a house . . . a windowsill,
 Where she sits waiting, waiting still.

TYATANA

And happiness was ours . . . so nearly!
 It came so close! But now my fate
 Has been decreed. I may have merely
 Been foolish when I failed to wait . . .
 But mother pleaded . . . and at last
 I grew resigned and shed the past.
 For nothing mattered then. And so
 I married . . . Now I beg you, go!
 I know that in your heart reside
 Both honor and a manly pride.
 I won't dissemble . . . yes, I love you . . .
 But I am now another's wife
 And I'll be faithful all my life.

She rises and slowly walks out, stepping among the flat flowers of the ottoman meadow. The flowers on their spiral steel stems almost do not feel the touch of her feet. ONEGIN stands there, silently bowed.

*К выходу, но в дверях сталкивается с Поэтом, — тот уступает
ОНЕГИНУ путь и смотрит вслед, стоя спиной к рампе.*

ПОЭТ

Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с ОНЕГИНЫМ моим.

----- “ ” -----

Near the exit, but still in the door, he runs into the Poet; the Poet makes way for ONEGIN and watches him leave, standing with his back to the footlights.)

ПОЕТ

Oh, blest is he who rightly gauges
The time to quit the feast and fly,
Who never drained life's chalice dry
Nor read its novel's final pages,
But all at once, for good, withdrew
As I from my Onegin do.

----- “ ” -----

Facsimile of Fragment 7, Tatyana's NAMEDAY, from the archival play script with Prokofiev's marginalia. Note that in this version of the script, the Mumpers are still singing the original fortune-telling ditty from Pushkin's *Eugene Onegin*, chap. 5, 7: 9-12; later another, more darkly comic song was substituted ("Сам шестом, голова пестом..."), for which Prokofiev created the music. That text is reproduced in the translation, pages 102-03.

-22-

ЛЕНСКИЙ.

Как ты мил.

/крепкое и длительное рукопожатие/

Фрагмент 7.

/Перерыв широко-распахнутой двери разделяет сцену на внутреннюю и внешнюю площадки. Там, за дверью освещенный зал, лишь часть которого доступна взгляду зрителя. Здесь полутемная небольшая комната, три стены которой сошлись под непрямыми углами. Там, за порогом, паркет освобожден от вещей, но заполнен малькающими фигурами, которые кружат ^{по кругу} ~~зале~~. Здесь, по око створку порога, безлюдно, но зато полно вонючих вещей. Сюда стащили столы, нагроможденные друг на друга, какие-то четыреххляпые бьвары и наукошное комоды. В углу ряд пузатых, облатенных соломой и прутьями бутылей, пустых и полных, штофов и прочей хозяйственной утвари./

/Бегает ГАНЦФ. Вспомнях он попадает ногой в блюдо со студнем. Прошипев что-то невнятное сквозь зубы, стирает платком поочередно-пот со лба и студень со штрипки и снова нырлет в вильс./

/Входит ТАТЬЯНА, вслед за ней ОНЕГИН. Впечатление будто ТАТЬЯНА убегает от наступающих ее слов спутника./

ОНЕГИН /заканчивает/

Так видно небом суждено.

Подобите вы снова: но...

Учитесь властвовать собой,

На всякий вас, как я, пошлет;

Полоса
Клавесина за Купе

Вспомнях
он попадает ногой
в блюдо со студнем
стирает платком
поочередно-пот со лба
и студень со штрипки
и снова нырлет в вильс

К беде неопитность ведет.

Судите же, какие розы...

ТАТЬЯНА /прикоснулась ладонью к стене, другая рука ее прижата к груди; она в трудном удерживает подступающие к горлу рыдания/.

ОНЕГИН /орлянулся на проходящую мимо пару, с раздражением/
Начнете плакать: ваши слезы
Не тронут сердца моего,
А будут лишь бесить его.
Таков я. И того ль искали
Вы чистой пламенной душой,
Когда с такою простотой,
С таким умом ко мне писали?

/Заметив приближение посторонних, кидается и уходит в зал/

ТАТЬЯНА /одна/ Погибну я, как будто бездна
Влюбил, чернеет и шумит.
Но гибель от него любезна.
Я не ропщу за чем роптать?
Не может он мне счастье дать.

/Хочет вернуться в зал, но на пороге, держа друг друга под локти, ВУДНОВ и ЗАРЕЦКИЙ. Оба в легком подпитии/

ВУДНОВ /жаманно кланяясь ТАТЬЯНЕ и шутя скандируя на русский лад/

vous, belle endormie

ОПЫГА /вбегает, раздвигая руками обоих/
Тоже вы рожней командир
Вошел... Ах, новость-да какая.
Мушкетер будет полковник.

Самый
Балет
у ступи
9-го
подлинный
или нет
Киселев

Самый балет мушкетера
полковник? или нет
1-1/2 минуты

/СЫГА хватает ТАТЬЯНУ за руку и увлечает в зал/

*1/2 сына,
но всен
буксир*

ЗАРЕЦКИЙ /пожимая локоть спутнику/

В дуэлях классик и тедант,
Люблю методу я из чувства
И человек растянуть.
Повсюду...я не как-нибудь
А в строг...

БУЯНОВ /перебивая/ И жирней был пирог.

ЗАРЕЦКИЙ. И не смеято пересоленим

/замечает в углу бутылки/

Да все в бутылке засмоленной...

БУЯНОВ. За ним строй рямок, узких, длинных

/наклоняется к бутылкам, разливает вино по двум

бокалам, чокается с ЗАРЕЦКИМ, -я-

Подобных тебе твоей,

/Прищуриваясь, всматривается в бокал/

Зизи, кристал души моей,

Предмет стихов моих незинных,

Любви приманчивой фмаи,

Ты, от кого я пьян...

/чокаются, выпивают, Буйанов слегка качнулся/

... бегал.

по
/наливает второй. Звон встретившихся бокалов/

Приятно дереккой элиграммой

Взбесить оплошного врага:

Приятно.../пьют/ зреть как он упрямо

Склонив бодливые рога...

ЗАРЕЦКИЙ. Еще приятнее в молчаньи

Ему поговать честный проб

И тихо целить в бледный лоб...

БУАНОВ. /хихикая/

...На благородном расстоянии.

Люблю я бешеную младость

И тоскоту и блеск и радость

И дам обдуманный наряд.

/Поворачивается на звуки музыки, перешедшие от вальса

к кадрили. Прищелкивая пальцами:/

Люблю их ножки.

ЗАРЕЦКИЙ.

Только вред

Найдете вы в России целой

Три пары стройных женских ног.

БУАНОВ. Ах, долго я забыть не мог

Две ножки. Грустный, охледевший...

Ах, ножки, ножки. Где вы ныне.

Далее
/Увлекаемый движением пар и мельканьем ног, исчезает
в танцевальном зале. ЗАРЕЦКИЙ хочет еще раз наклонить
си к бутылке, но на пороге появился ОНЕГИН, иронически
парнирующий его./

ОНЕГИН /он/ очевидно, ищет ТАТЬЯНУ, чтобы кончить разговор/

А, здравствует еще донна

В философической пустине

Зарецкий, некогда буян,

Картежной шайки атаман.

/Зарецкий угодливо улаживает и разводит руками, как бы
пробая говорить потише/

Ты правды, в туз из пистолета

ЗАРЕЦКИЙ /поправляет/... В пяти сантиметрах подал

ОНЕГИН.- Умел и весело пощипать

ЗАРЕЦКИЙ /поцеловав руки/

Остро и...

ОНЕГИН ...дупо отвечать,

Друзей пощипать молодых

И на барьер поставить их.

ЗАРЕЦКИЙ /Делая головой-были мол времена/

.....

ОНЕГИН /Круто повернув лицо к залу, где танцуют/

Кто эти?

ЗАРЕЦКИЙ. С своей супругою дородной

Есть этот толстый-Пустяков;

Гвоздин-козьян превосходный,

Владелец нищих мужиков;

Скопчинин, чья сядан,

С детьми всех возрастов, считая

От тридцати до двух годов;

Уездный франтик Петушков;

Мой брат двоюродный, Буянов,

И отставной советник Флянов

Тяжелый сщетник, старый плут,

Обжора, вяточник и...

ОНЕГИН ... шут.

,/Зарецкому удается наконец сплешиваться/

/Входят, не замечая ОНЕВИНА, ЛЕНСКОГО и ОЛЬГА. В руках

у ЛЕНСКОГО раскрытый альбом и перо. ОЛЬГА, идет сле-

дом за ним, заглядывая через плечо своего жениха.

*Медведи
мечет,
сын
матери*

*Без
мужья*

ЛЕНСКИЙ вписывает в альбом несколько строк./
ЛЕНСКИЙ /читает написанное, все еще не замечая ОНЕГИНА,
которому ОЛЬГА успела кивнуть/.

"Блажен, блажен любовник скромной,
Чтывший мечты свои
Предмету песен и любви,
Красавице приятно-томной".

ОНЕГИН /с сухим смехом/
Блажен...хоть, может быть она
Совсем иным развлечена.

/ЛЕНСКИЙ хочет захлопнуть альбом, но ОНЕГИН, молчком взгля-
дом разрешение хозяйки альбома, протягивает руку к тет-
ради/.

ОЛЬГА /на несколько секунд еще удерживая альбом в своих
руках/

Конечно, вы не раз видели
Уездной барышни альбом,
Что все подушки измеряли
С конца, с начала, и кругом.
Сюда...

ОНЕГИН ... на это правописанью,
Слихи без меря...

ЛЕНСКИЙ /горло/ ... по преданью
В знак дружбы верной внесены.

ОНЕГИН /альбом уже у него в руках/
Уменьшены, продолжены
/листы страницы/
На первом листике встречешь

ОЛЬГА. И подпись . . . . .

ОНЕГИН /продолжая листать, смотрит в упор на денского/
Тут в них рисуют сельски виды,
Надгробный камень, храм Киприды,
Или на лире голубка
Пером и красками слегка.
/ДЕНСКИЙ покраснел; он нервничает/
А на последнем прочтешь:

ОЛЬГА. "Кто любит более тебя,
ОНЕГИН. /возвращает альбом/
"Пусть пишет далее меня."
/Смех ОЛЬГИ оборван резким движением ДЕНСКОГО,
который выхватил альбом в тот момент, когда он дол-
жен был перейти из рук ОНЕГИНА к его невесте, от-
ходит в сторону. ОЛЬГА обижена. И когда, в то же ме-
новенье раздается ритуфель кадрили, она согласно
выивает в ответ на пригластельный поклон ОНЕГИНА.
ДЕНСКИЙ, поборов себя, оборачивается: в комнате уже
никого нет. ДЕНСКИЙ делает шаг по направлению к
освещенному залу, но мимо него - в стройном ритме ма-
зурки пронесется пара: ОЛЬГА и ОНЕГИН. ДЕНСКИЙ от-
ступает в тень.
Однообразны и безумны,
Как вихорь жизни молодой
Кружится вальса вихорь шумный;
Чета мелькает за четой
В это время БУЯНОВ подводит к ОНЕГИНУ ТАТЬЯНУ и ОЛЬГУ
ОНЕГИН, не колеблясь, берет руку ОЛЬГИ и исчезает в
звезде/.

*Клавесин
Вальс
(и.б. тот,
что вальс)
Валерий Гергиев
Мужу*

*Клавесин
Вальс
(и.б. тот,
что вальс)*

Тот же
Ольга
у ермачу

ЛЕНСКИЙ. Возможно ль. Чуть лишь из пеленок,
 Жокетка, ветреный ребенок.
 Уж хитросошь ведает она,
 Уж изменять научена.
 О боже. Буду ей спаситель.
 Не потерплю, чтоб развратитель
 Опнем и вздохов и похвал
 Младое сердца ископал;
 Чтоб червь презренный, адский
 Точил милей стебелек;
 Чтоб сн двухутренний цветок
 Увял еще полураскрытый.
 Но что же. Писюлетов пара
 Две пуды-больше ничего.

~~Мне~~ ^{Таня} замедляет темп и затухает; парь расходится
 по местам; мимо двери, подружку, весело переговариваясь,
 проходит ОНЬГИН и ОЛЬГА /

ОЛЬГА. /Заметив за порогом полутемной комнаты ЛЕНСКОГО/
 Что с вами?

ЛЕНСКИЙ. Так. .

ОЛЬГА /всему кавалеру: утомленно/
 И бесконечный котильон
 Меня томит как тяжкий сон.

/ОНЬГИН ей что-то шепчет, успокаивая ее, — и пара
 проходит мимо. Вслед за ними, в раме двери /опираясь
 рюккой о косяк, ТАТЬЯНА / Лицо ее полне трогательно-
 го сочувствия /.

ТАТЬЯНА. Что с вами?

ЛЕНСКИЙ. Так.

/ТАТЬЯНА исчезает. ДЕНСКИЙ делает решительный шаг и порыву. В это время музыканты, очевидно, готовясь к новому танцу, настроивают инструменты: диссонансирующие сочетания звуков. У порога ДЕНСКИЙ сталкивается лицом к лицу с ОНЕГИНЫМ. Оба остаются недвижимы и молча смотрят друг на друга. Звуки настроиваемых инструментов оборвались. Сейчас начнется новое. Звуковая и зрительная пауза/.

*Музыка
звучит и
по настрою*

/Из-за двери видно испуганное лицо ТАТЬЯНЫ, которая не знает, как быть. Но в это время из глубины зала все слыш кокет, а затем и пенки, свист, лай и топ. Следующим слышится гудение на ~~60~~, так что стена, отделяющая полуламповую комнату от зала, направлена перпендикулярно на зрителя и ему видны и комната и зал. Гости, расступившись, дают дорогу РЯБЕНИНУ, мужику, пришедшим поздравить и послать барышню в день ее именин: тут и полужуравль и полукот, маска с рогатой собачьей мордой, коза-дерева и два-три пидкиющих и истоиво бьющих в бубен деревенских музыкантов.

не будет, з отмена и зобой?

Все РЯБЕНИН, поклонясь сперва имениннице в подо, начинают затем пляс и славословие.

РЯБЕНИН /поет/ Там мужички то все богаты:
Требут лопатой серебра;
Кому поем, тому добро /бид/
И слава.

*Рябенник
рабочий*

/Припев на эвериную статью/
ТАТЬЯНА подносит бокал; ответно кланяясь и давая приложиться к ручке, она в тоже время с испугом оглядывается назад, на происходящее там, за порогом темной комнаты. Бокал, выскользнув из рук, падает/.

*от имени (или)
для имени
Денин
от Корда*

Eugene Onegin

Program, Personnel, Stills from the Production

THE PROGRAM IN THEATER PRESENTS
a World Premiere of a 1936 adaptation by
KRZHIZHANOVSKY
КРЖИЖАНОВСКИЙ
with an original score by
PROKOFIEV
ПРОКОФЬЕВ
of a novel-in-verse by
PUSHKIN
ПУШКИН
Eugene
ONEGIN
a drama in verse translated by James E. FALEN with the cooperation of Caryl EMERSON
directed by Tim VASEN

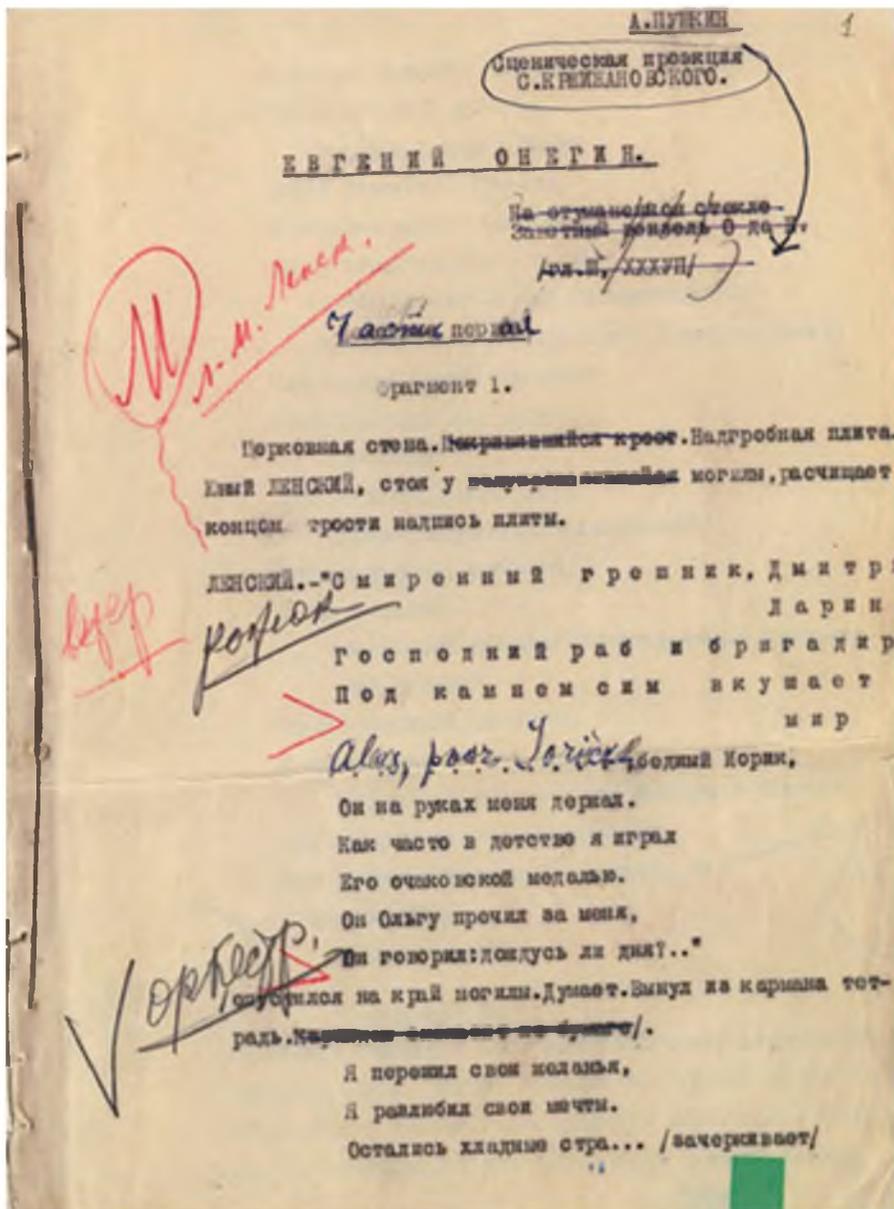

February 10, 11, 12, 16, 17, 18 2012
8 p.m. MARIE AND EDWARD MATTHEWS '53 ACTING STUDIO
Lewis Center for the Arts, 185 Nassau Street

Presents by the Department of Music, Department of Slavic Languages and Literatures, the Program in Dance and the Lewis Center for the Arts, with generous funding from the Office of the President, Office of the Dean of Faculty, David Gardner '69 Play Fund of the Council for the Humanities, Princeton Institute for International and Regional Studies, and the Edward T. Conz Foundation.

arts
PRINCETON UNIVERSITY

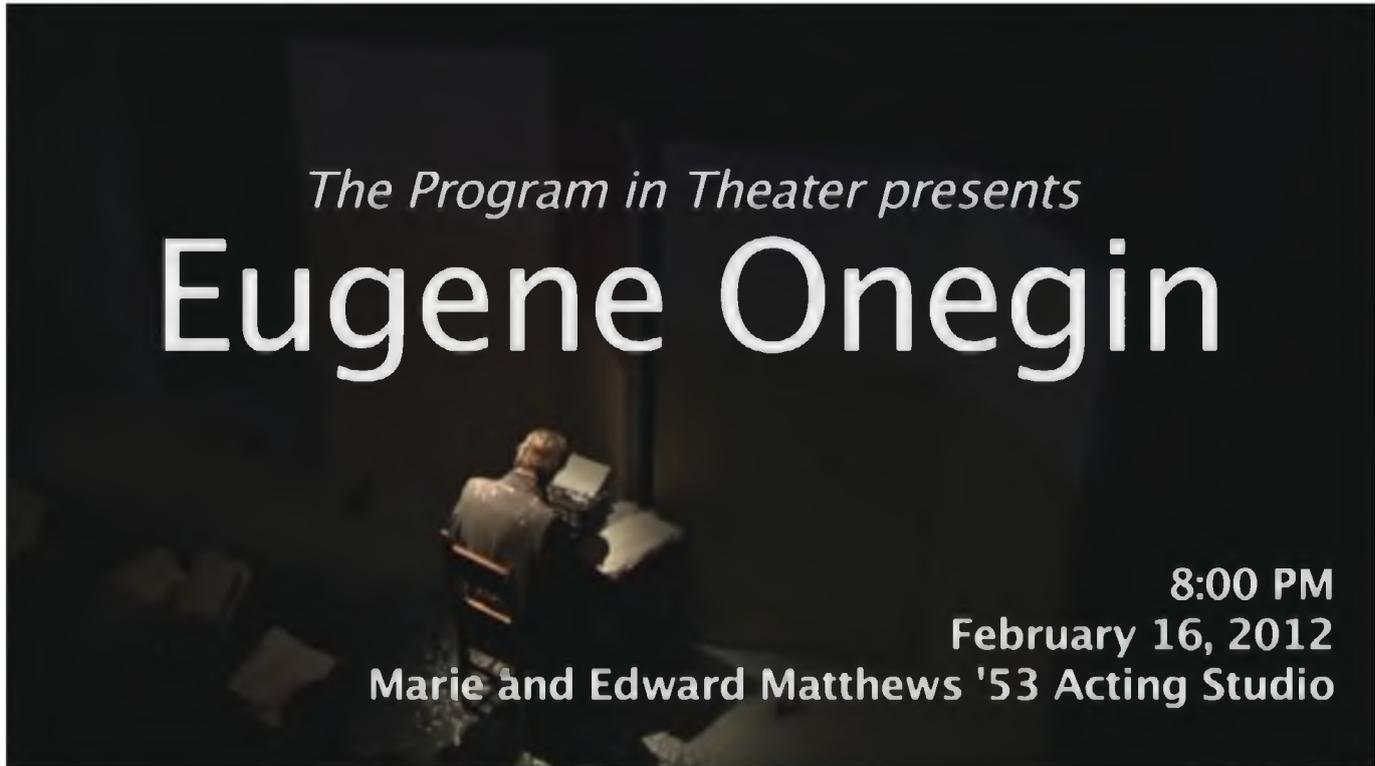
Figure 1. Program cover for the six-performance run of *Eugene Onegin* in February 2012. This dramatic version was preceded by a danced version with the Princeton Symphony Orchestra on February 9.

Figure 2. First page of Fragment 1 of an early variant of the *Onegin* playscript, without the Prologue and with deletions of ideologically unacceptable details in stage directions (such as a cemetery cross). Courtesy Russian State Archive of Literature and Art.

Figure 3. Cast photo. Top row: Peter Giovine (Lensky, Angry Gent); Jeffrey Kuperman (Vyazemsky, Buyanov, Bear), Ryan Serrano (Zaretsky, Prolasov, Kalmyk, Decrepit Dignitary); Matthew Spellberg (Krzhizhanovsky, Poet); CC Kellogg (Elderly Relative; Voronskaya, Assistant Costume Designer). Middle row: Joseph Labatt (Bookseller, General); Lily Akerman (Anisya, 2nd Archival Youth, dance consultant); Gabriel Crouse (Eugene Onegin); Elena Garadja (Tatyana Larina); Juliet Garrett (1st Archival Youth, Elderly Relative, Guest, Assistant Director); Camila Vega (Dame Larina). Bottom row: Sarah Blucher (Nanny, Elderly Guest); Katie McGunagle (Olga Larina, 3rd Archival Youth); Carolyn Vasko (Onegin's Servant, Old Princess); Molly Brean (Stage Manager); Alana Tornello (Hanger-on, St. Petersburg Lady, Assistant Set Designer to Anya Klepikov).
Cast photo by Tim Vasen.

Figure 4. Opening title of Lewis Center archival DVD of the production: the Poet typing up his play script, Moscow 1936, as snow falls. DVD videographed by Nic Petry of Dancing Camera.

Figure 5. Prologue: Poet pleading with Bookseller. “You’ve chosen to untune your voice, to quit the Muse of magic sound,... And all for what, I ask?” “For freedom.”

Figure 6. Fragment 1: Lensky, reciting a lyric at the grave of Dmitri Larin

Figure 7. Fragment 2: Onegin and Lensky in the country. “But you, Bordeaux, I find just right; / You’re like a comrade, ever steady, / Prepared in trials and in grief / To render service, give relief; / A trusty fellow, always ready / To share a quiet evening’s end.”

Figure 8. Fragment 5: Tatyana and her Nanny on the balcony (the Letter Scene)

Figure 9. Fragment 7: Onegin pursues a humiliated Tatyana around the dance floor during her nameday (the transposed “Bench Scene”). “You’d start to weep, but all your tears / Would fail to touch my rigid heart; / They’d only drive me to a rage. / That’s how I am.”

Figure 10. Fragment 7: Masked mummeters sing and dance around Tatyana in honor of her nameday. “He’s like a bean-pole, his head’s a pestle, his ears like little scissors, hands are rakes, his legs are forks,, his eyes like little holes...”

Figure 11. Fragment 9: The Duel, growing directly out of the violent end of Tatyana's Dream.

Figure 12. Fragment 10: Tatyana visits Onegin's deserted house, with three village boys (in video-projection) crowding in through the far-left back door.

Figure 13. Fragment 10: Tatyana reads from Byron's *Don Juan* in Onegin's library. "Temperate I am, yet never had a temper; / Modest I am—yet with some slight assurance; [...] Patient—but not enamored of endurance..."

Figure 14. Fragment 12: After several years Onegin turns up in Petersburg “like Chatsky, straight from boat to ball.”

Figure 15. Fragment 12: Onegin is dressed down by three Archival Youths (from Pushkin's verse epigram, 1815, "Угрюмых тройка есть певцов" [A troika of gloomy singers]).

Figure 16. Fragment 13: The Neva waterfront before dawn. Onegin drowsing on a bench, and two friends discuss his fate.
“While Petersburg, already rousing, / Answers the drummer’s wake-up call.”

Figure 17. Fragment 14: The final meeting of Onegin and Princess Tatyana Dmitrievna on the ottoman. “For nothing mattered then, And so / I married... Now I beg you, go! / I know that in your heart reside / Both honor and a manly pride.”

Figure 18. Fragment 14. Onegin confronts his creator, the Poet, and angrily leaves the play. Blest is he, says the Poet, who “all at once, for good, withdrew / As I from my Onegin do.”

Figure 19. Early draft of maquette for Matthews Acting Studio (set design and maquette by Anya Klepikov).

Figure 20. Sigizmund Krzhizhanovsky (1887-1950), author of the play script.

Figure 21. James E. Falen, translator of the playscript and Pushkinist. Photo courtesy of University of Tennessee.

Figure 22. Tim Vasen, director of Princeton's Program in Theater, Lewis Center for the Arts, and director of *Eugene Onegin*. Photo by Denise Applewhite, courtesy of Princeton University.